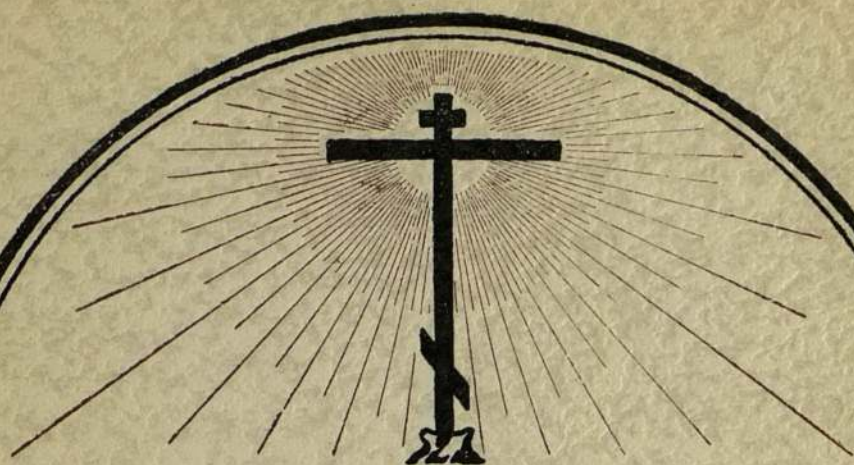

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

10

1 9 5 4

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 10

ОКТАБРЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

МОСКВА 1954

СОДЕРЖАНИЕ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Телеграмма Святейшего Патриарха Алексия	3
Указ Патриарха Московского и всея Руси Алексия	3
Телеграмма из Бухареста	3

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Летопись церковной жизни	4
<i>Проф.-прот. А. Ветелев.</i> Профессор-протоиерей Сергей Васильевич Савинский (Некролог)	5
Братское посещение	10
<i>Прот. В. Шпиллер.</i> Желанные гости	13
К пребыванию в СССР Предстоятеля Чехословацкой Православной Церкви . .	18
<i>Прот. М. Зернов.</i> В гостях у Московской Патриархии	18
<i>Прот. А. Громов.</i> Письма из Палестины (Письмо третье)	21
<i>Свящ. А. Столяров.</i> На приходе. О благовествовании слова Божия за Богослужением	22
<i>Иеродиакон Феофан.</i>	24
Памятные даты. Памяти Митрополита Трифона . . .	24

В ЗАЩИТУ МИРА

Заявление председателя Всемирного Совета Мира Жюлио-Кюри	26
Заявление Бюро Всемирного Совета Мира	27
<i>Митрополит Николай.</i> Обращение к съезду Христианско-демократического Союза Германской Демократической Республики	28
<i>А. Ведерников.</i> Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви и ее участие в борьбе за мир	29

СТАТЬИ

<i>Свящ. И. Потапов.</i> «Да вси едино будут»	36
<i>Н. Яковлев.</i> Свет неугасимый	43
<i>Иеромонах Леонид.</i> Схиархимандрит Паисий Величковский (К 160-летию со дня смерти)	53
<i>И. Хибарин.</i> Профессор-подвижник	59
<i>Доц. А. Иванов.</i> Захват Константинополя латинянами в 1204 году (К 750-летию события)	64

ХРОНИКА

Впечатления Финской церковной делегации	74
---	----

БИБЛИОГРАФИЯ

«Церковный вестник». Орган Православной Церкви в Польше. Варшава, 1954, № 5	78
«Голос Православия». Орган Православной Церкви в Чехословакии, Прага, 1952, № 6.	78

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отв. Секретарь Редакции **А. В. Ведерников**
Адрес Редакции «Журнала Московской Патриархии»: Москва, Г-48, Б. Пироговская, 2
(бывш. Новодевичий монастырь)

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ТЕЛЕГРАММА СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ АРХИЕПИСКОПУ ПЕКИНСКОМУ ВИКТОРУ

Через Ваше Преосвященство горячо приветствуем великий китайский народ со славным пятилетием провозглашения Китайской Народной Республики.

Восхищаемся крупными достижениями в мирном строительстве народного Китая и его возрастающим влиянием в международных делах.

Да пребывает в веках нерушимой братская дружба русского и китайского народов!

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Москва, 30 сентября 1954 года

УКАЗ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ

АРХИЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ОДЕССКОМУ НИКОНУ

Во внимание к ходатайству Его Блаженства, Блаженнейшего Александра, Патриарха Антиохийского, выраженному в письме к нам, подписанном Его Блаженством и Преосвященными Митрополитами: Трипольским Феодосием, Илиопольским Нифоном и Ливанским Илией, о награждении Архиепископа Никона правом ношения креста на клобуке, и в свидетельство об его ревностном служении Церкви Божией и усердном выполнении возлагаемых на него церковных послушаний мы признали справедливым предоставить Преосвященному Архиепископу Никону право ношения креста на клобуке.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

В Одесском Успенском монастыре
11 сентября 1954 года

ТЕЛЕГРАММА ИЗ БУХАРЕСТА МИТРОПОЛИТУ НИКОЛАЮ

Сожалеею, что не имел возможности проститься с Вами, дорогой Владыка. Шлю Вам от себя и моих спутников сердечный привет и благодарность за любовь и внимание, оказанные нам во время нашего пребывания в дорогой для нас России.

Патриарх АЛЕКСАНДР

14 сентября 1954 г.

ЛЕТОПИСЬ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Архипастырские труды

28 июля 1954 года приход кладбищенского храма гор. Владимира торжественно отметил свой престольный праздник — день св. равноапостольного князя Владимира. На торжество прибыл Преосвященный Онисим, епископ Владимирский и Суздальский, который совершил Божественную литургию. Храм был переполнен молящимися. После чтения Евангелия архипастырь обратился к присутствующим с назидательным словом. Изложив житие св. князя Владимира, он раскрыл верующим то глубокое изменение, которое произошло в характере св. Владимира с принятием христианства. В заключение архипастырь внушил прихожанам, как свято и благочинно следует проводить престольные и прочие церковные праздники, не нарушая своих трудовых гражданских обязанностей. Сопровождаемый добрыми напутствиями верующих, епископ Онисим отбыл из храма.

* * *

В июне — июле 1954 года епископ Архангельский и Холмогорский Феодосий посетил ряд отдаленных приходов своей епархии. Пользуясь преимущественно речным сообщением, он побывал в селении В. Матигоры и в городах: Котласе, Сольвычегодске и Сыктывкаре. Преосвященный Феодосий всюду совершал торжественные богослужения, во время которых произносил назидательные поучения на темы евангельских чтений, а также наставлял свою паству в правилах благочестивой, трезвой и трудовой жизни. Везде он вникал в подробности приходской жизни, интересовался образом жизни верующих, их поведением в повседневной жизни, а также проверял хозяйственную деятельность приходских советов.

Сооружение нового храма

На прилагаемой фотографии изображен храм в гор. Токмаке Киргизской ССР. Этот храм сооружен вместо молитвенного дома. Вместимость его — до тысячи человек. В нем сооружен новый иконостас, заново написаны иконы.

Строитель этого храма — священник Гавриил Ольховик. Храм строился под его наблюдением и по его эскизам. Горячее участие в этом святом деле принимали и члены приходского совета. «Все это строительство явилось большой радостью нашей общины», — пишет одна из прихожанок этого храма.

НОВЫЙ ХРАМ В ГОР. ТОКМАКЕ

Светлой памяти усопших

Из различных епархий нам сообщают о тех работниках на ниве Христовой, которые выполнили свой земной долг и предстали пред Судом Божиим. Перечисляем имена этих служителей Божиих.

В ночь на 11 июля 1954 г. скончался настоятель Никольского храма г. Воронежа, благочинный Воронежского округа, протоиерей Сергей Николаевич Милютин. Отпевал покойного архиепископ Воронежский Иосиф.

В ночь на 13 августа сего года скончался один из старейших священнослужителей Уфимской епархии восьмидесятилетний старец протоиерей Александр Евсигнеевич Фомин. О. Александр в 1950 году праздновал пятидесятилетний юбилей своего служения и был награжден по указу Святейшего Патриарха Алексия камилавкой. Отпевал покойного епископ Уфимский Иларион.

ПРОФЕССОР-ПРОТОИЕРЕИ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ САВИНСКИЙ

(Некролог)

Московская духовная академия и семинария понесли тяжелую утрату: 25 августа внезапно скончался от кровоизлияния в мозг профессор по кафедре Догматического богословия протоиерей Сергей Васильевич Савинский. Он умер в преклонном возрасте — на 78-м году жизни.

В лице о. Сергия Савинского сошел в могилу крупный деятель духовного просвещения нашего времени. Занимая кафедру Догматического богословия в московских духовных школах, он одновременно был деятельным сотрудником «Журнала Московской Патриархии», членом Учебного комитета при Священном Синоде и пастырем Успенского храма б. Новодевичьего монастыря.

Внезапная кончина о. Сергия переживается всеми его сослуживцами, учениками и прихожанами храма, где он служил, как утрата мудрого наставника и смиренного пастыря-молитвенника.

* * *

Сергей Васильевич Савинский родился в 1877 году в семье священника с. Никола-Корма Рыбинского р. Ярославской обл. Детство он провел в кругу родной семьи и под сенью храма, в котором служил его отец.

Рано определились незаурядные способности будущего богослова. Унаследовав от родителей тихий нрав, религиозную настроенность, серьезность и пытливость мысли, он развил и укрепил эти способности в последующие годы своей жизни: в стенах Ярославской духовной семинарии и Киевской духовной академии.

Нелегко было учение в старой духовной школе. Оно требовало от своих воспитанников огромного напряжения всех психофизических сил и своей строгой дисциплиной смиряло строптивых, приучало к труду ленивых, умудряло и наделяло глубокими знаниями способных и прилежных.

Юноша Савинский принадлежал к последней категории воспитанников. Неудивительно, что первым учеником он окончил Ярославскую семинарию и блестяще — Киевскую академию, будучи оставлен при ней профессорским стипендиатом. В духовной школе его интересовали все науки, особенно же богословские и философские. Изучая их, он стремился проникнуть в самое существо их содержания, находя здесь для себя необозримое поле для самостоятельных размышлений и постижений сокровищ в них духовной истины. Так незаметно, из года в год, в воспитаннике, а потом и студенте Савинском созидался тот убежденный, широко образованный, богослов-мыслитель, которым он заявил себя на педагогическом поприще по окончании Киевской академии в 1900 году.

После года стипендиатства в этой академии С. В. Савинский был назначен в Черниговскую духовную семинарию преподавателем Догматического богословия. Здесь, по отзыву учеников, он сразу же показал себя выдающимся преподавателем. Молодой по возрасту, скромный и тихий по виду, застенчивый и несловоохотливый в обращении, Сергей Васильевич преображался в классе. Строго, ясно, убежденно, логически стройно излагая догматические истины христианского вероучения, он требовал от своих слушателей полного внимания и серьезной работы по усвоению этих истин. Вспоминая преподавательскую деятельность С. В. Савинского, его ученик по семинарии, протопресвитер Н. Ф. Колчицкий сказал: «Сергей Васильевич так заинтересовал нас своим предметом и дал нам такие глубокие и прочные знания, что, когда мы, по окончании семинарии, поехали учиться в академию, то там уже легко усваивали богословские науки. Неудивительно, что, занимаясь в академии, мы особенно оценили выдающиеся педагогические дарования нашего черниговского преподавателя»¹.

Так восемнадцать лет плодотворно работал Сергей Васильевич в этой духовной школе, совмещая в последние три года (1915—1918) преподавательские обязанности с инспекторскими. Вместе с тем все эти годы были для него временем большой научно-исследовательской и литературно-просветительной работы.

Еще в бытность студентом академии он проявил особый интерес к учению Спасителя о последних судьбах мира, то есть к вопросам эсхатологии. Интерес этот возрастал по мере того, как мужала и набиралась знания и сил научно-исследовательская мысль нашего богослова.

В течение ближайших пяти лет по окончании академии Сергей Васильевич прочитал и аналитически разобрал огромную русскую и немецкую эсхатологическую литературу и научно оформил свои занятия. Полу-

¹ Из речи протопресвитера Николая Федоровича Колчицкого на отпевании о. Сергия Савинского.

чилось весьма солидное исагогико-экзегетическое исследование под заглавием «Эсхатологическая беседа Христа Спасителя (о последних судьбах мира)». Глубина экзегезиса в этой работе определилась верностью автора Священному Писанию и церковно-святоотеческим воззрениям на эсхатологическое учение Спасителя. Диссертация была напечатана в 1906 году, а в 1907 году автор получил за нее от Совета Киевской духовной академии научную степень магистра богословия.

Творческая мысль С. В. Савинского, как было уже сказано, текла в те времена и по руслу духовно-просветительной работы в богословских журналах: «Христианин», «Вера и разум», «Вера и жизнь» и в местной Черниговской газете «Черниговский край». В последнее десятилетие (1908—1918 г.) журнальная, а затем и редакторская работа в журнале «Вера и жизнь» настолько увлекла его, что он предпочел ее научно-академической деятельности в Киевской духовной академии, куда неоднократно приглашали его на кафедру Священного Писания Нового Завета.

Тематика журнальных статей Сергея Васильевича была разнообразной. Он разрабатывал в них не только богословские вопросы, но касался и психологии религиозных переживаний, и воспитания христианской нравственности, и проблем общественной жизни. Одна из его статей, напечатанная в двух выпусках журнала «Христианин» за 1907 год, посвящена характеристике норвежского писателя Бьёрнстjerne Бьёрнсона, как учителя жизни. Другие статьи написаны на такие темы, как «Наука и религия», «Вифлеемская звезда», «Разум кичит, а любви назидает», «Учение древних церковных писателей о воздержании», «Язык молитвы» и многие другие.

Но в разнообразии интересов С. В. Савинского, как писателя, легко обнаружилось единство стремления к идеалу христианской жизни. Об этом особенно ярко свидетельствуют его статьи о божественном достоинстве Спасителя («Иисус Христос — Сын Божий»), о нравственном облике Христа и об исторической достоверности Его Евангельского образа. На всех этих статьях лежит печать вдумчивой исследовательской мысли автора, научной его добросовестности, живой веры и глубокой убежденности в истине нашего православно-церковного учения. Для читателя этих статей становится ясным, что Христос Спаситель занимает центральное место не только в научной мысли, но и в верующей душе нашего мыслителя.

В 1918 году окончилась наиболее плодотворная полоса в жизни Сергея Васильевича. Через двадцать пять лет, в 1944 году, он был призван Святейшим Патриархом Сергием к работе по организации новой богословской школы. Ему пришлось положить много инициативы и труда на организацию сначала Богословского института, а затем академии и семинарии в роли проректора, затем инспектора, а потом и ректора. Его огромный педагогический и административно-инспекторский опыт весьма пригодился и при составлении учебных программ, и при организации внутреннего распорядка в новой духовной школе. В 1947 году С. В. Савинский принимает священный сан и на некоторое время становится во главе всей церковно-приходской жизни Успенской академической церкви.

Вместе с тем его, как опытного публициста и ученого богослова, привлекает к работе и редакция «Журнала Московской Патриархии». Одну за другой пишет он статьи в наш церковный журнал. Среди них мы читаем: «Значение патриаршества в жизни Православной Русской Церкви»², «Догматический элемент в проповедничестве Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая»³, «Учение Православной Церкви об иконопочитании»⁴ и «Покров Божией Матери над русской землей»⁵. Но главное внимание о. Сергей уделяет своей прежней теме об Иисусе Хри-

² «Журнал Московской Патриархии» за 1944 г., № 3, стр. 33.

³ Там же, 1952 г., № 5, стр. 48.

⁴ Там же, 1952 г., № 8, стр. 53.

⁵ Там же, 1951 г., № 10, стр. 32.

сте: «Свет Рождества Христова»⁶, «Крест Христов»⁷, «Радость Воскресения Христа»⁸, «Утро и вечер великого дня Воскресения Христа»⁹, «Воистинну восста Господь»¹⁰.

В 1951 году, в связи с учебно-научными занятиями в академии, о. Сергей перестал быть штатным священником Успенского храма, хотя и оставался приписанным к его причту, но в марте 1954 года он вновь был призван на это служение. Однако силы о. Сергея были уже на исходе. В праздник Преображения Господня он со слезами и глубокой молитвенной настроенностью совершал Божественную литургию, как бы предчувствуя, что в последний раз приносит бескровную Евхаристическую жертву Отцу Небесному, а через шесть дней скончался.

Обозревая жизненный путь почившего, позволительно сказать о нем словами Апостола: «Подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил, и теперь готовится ему венец правды» (2 Тим. 4, 8—8).

* * *

Отпевание о. Сергея происходило в воскресенье, 29 августа, в Успенском храме б. Новодевичьего монастыря. Заупокойную литургию совершал Преосвященный Гавриил, епископ Вологодский и Череповецкий, в сослужении местного и академического духовенства при огромном стечении молящихся.

В конце литургии протоиерей А. Ветелев произнес проповедь на текст: «Блаженни мертвые, умирающие о Господе... они успокоятся от трудов своих, и дела их идут в след за ними» (Апок. 14, 13). В своем поучении проповедник осветил высокие качества о. Сергея, как семьянина, как профессора-преподавателя и как пастыря Успенского храма.

Для своей семьи о. Сергей был примерным и незабвенным отцом-семьянином, всегда заботливым, внимательным и ласковым. Поэтому так велика скорбь его супруги, детей и внуков, теперь осиротевших.

Тяжелую утрату в лице почившего понесла и другая семья: семья академическая и семинарская. Для учащихся он был строгим и требовательным учителем. Все знали, что старый профессор на зачетах и экзаменах потребует от них ясного, четкого, исчерпывающего ответа, и не отступит, пока не добьется его. И вместе с тем все понимали, что без глубокого и прочного усвоения основ нашего вероучения нельзя быть богословски-подготовленным пастырем. Поэтому наибольшую долю своих сил и внимания они уделяли его предмету.

Классные уроки почившего профессора высоко поднимали в глазах учащихся значение богословской науки, располагая их любить эту науку и серьезно относиться к ней. Корень учения всегда горек, зато плоды его сладки. Горьковато подчас было учиться у строгого догматиста, но и радость была не малая, когда, оканчивая школу, каждый сознавал, что и богословские знания приобрел, и богословски мыслить научился, и основы православно-церковной жизни усвоил.

Со своими сослуживцами по школе о. Сергей всегда был ровен, вежлив и доброжелательно-отзывчив. Общение с ним располагало к искренности и задушевности. Это был старший брат среди нас, никогда никого не обидевший и даже не упрекнувший. Он был тих, скромен, смиренен и прост. Нельзя было не любить, не уважать его. У него не было врагов и не было никого, кто сказал бы о нем, как о человеке, что-либо плохое.

Тяжелую утрату понесла и третья, самая многочисленная семья почившего: прихожане нашего святого храма. Все они любили и глубоко

⁶ Там же, 1953 г., № 7, стр. 36.

⁷ Там же, 1953 г., № 3, стр. 41.

⁸ Там же, 1953 г., № 4, стр. 39.

⁹ Там же, 1951 г., № 5, стр. 29.

¹⁰ Там же, 1946 г., № 4, стр. 45.

Профессор-протонерей
С. В. САВИНСКИЙ

уважали о. Сергия, как смиренного пастыря-молитвенника. Раньше всех приходил он в храм и не спеша, благоговейно совершал проскомидию, неукоснительно поминая (по синодикам и запискам) всех живых и почивших. С молитвенным подъемом и благоговением совершалась им Божественная литургия. Проникновенна и назидательна была его проповедь.

Воистину благословен был путь жизни и пастырского служения о. Сергия — так закончил свое слово протоиерей А. Ветелев.

* * *

Отпевание о. Сергия совершал Преосвященный Гавриил в сослужении протопресвитера Н. Ф. Колчицкого, протоиерея А. Скворцова и многочисленных сослуживцев и учеников покойного. Храм был переполнен молящимися. Их молитвенному подъему много содействовала краткая, но прочувствованная речь протопресвитера Н. Ф. Колчицкого, который указал на заслуги умершего перед богословской наукой, на его высокий педагогический дар сообщать учащимся глубокие и прочные богословские знания. В заключение своей речи он прочитал телеграмму, полученную от Святейшего Патриарха Алексия: «Скорбим о кончине достойного отца протоиерея Сергия. Передайте семье почившего наше искреннее соболезнование. Мир доброй душе верного служителя Церкви Божией и богословской науки».

После отпевания тело почившего было обнесено вокруг храма при пении «Помощник и Покровитель» и после краткой литии у дверей храма отправлено на место последнего упокоения — «Веденские горы».

Мир тебе, верный служитель Церкви Христовой!

Прот. А. Ветелев

БРАТСКОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

С 17 августа по 12 сентября текущего года в нашей стране, по приглашению Патриарха Московского и всея Руси Алексия, находился Блаженнейший Патриарх Антихийский и всего Востока Александр III в сопровождении митрополитов: Триполийского Феодосия, Захлесского и Баальбекского Нифона и Гор Ливанских Или.

Антиохийская делегация участвовала в праздновании столетнего юбилея подворья Антиохийской Православной Церкви в Москве, посетила ряд московских храмов, Троице-Сергиеву Лавру и Московскую духовную академию, осмотрела достопримечательности столицы и провела день в путешествии по каналу имени Москвы.

Затем гости побывали в Ленинграде, Киеве и Одессе, где они посетили ряд храмов и ознакомились с достижениями советского народа в различных областях хозяйственной и культурной жизни.

12 сентября Блаженнейший Патриарх Александр и его спутники, в сопровождении настоятеля Антиохийского подворья в Москве архимандрита Василия, вылетели из Одессы в Румынию для дальнейшего следования на родину.

Перед отъездом из Советского Союза делегация Антиохийской Православной Церкви оставила письменное заявление о своем пребывании в СССР, а член делегации митрополит Нифон прислал в Редакцию нашего журнала письмо (на арабском языке). Переводы заявления и письма см. ниже.

Заявление делегации Антиохийской Церкви

Антиохийская Церковь, которая издавна поддерживает братские связи с Церковью Московской и всея Руси, постоянно пользуется всякой возможностью для обмена делегациями. Доказательством тому является

участие Русской Церкви в праздновании Золотого юбилея Его Блаженства, Главы Антиохийской Церкви Патриарха Александра III.

В свою очередь, Его Блаженство возглавил эту делегацию, в состав которой вошли: Митрополит Триполи Феодосий, Митрополит Баальбека Нифон и Митрополит Гор Ливанских Илия.

За время этой поездки, Мы, руководитель этой делегации и ее члены, посетили множество церквей, монастырей, академии и духовные семинарии, а также ознакомились с достопримечательностями и музеями Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы. Мы отслужили несколько молебнов в церквях, которые, при всей своей вместительности, были не в состоянии вместить всех молящихся, среди которых были и женщины, и мужчины, и дети.

Мы встретились с митрополитами, и со священниками и с простыми верующими и во всех них чувствовали такую искреннюю веру, такое глубокое уважение к церковным обрядам, что сердца наши наполнились радостью и восхищением, ибо это доказывает, что Церковь в России пользуется полной свободой и что она строже, чем какая-либо другая церковь, соблюдает святые традиции и заветы Писания.

Занятия в духовных семинариях и академиях идут своим чередом, наплыв слушателей в этих учебных заведениях постоянно велик.

Всяческое одобрение и восхищение заслуживает порядок, заведенный в церквях — в них нет ни стульев, ни скамеек, и все молящиеся от мала до велика стоят часами, благоговейно внимая молитве, или участвуют в песнопении.

Мы отметили, что большое число верующих изъявляет желание причаститься и в воскресные дни, и в дни праздников, и в обычные будние дни. Мы выражаем свою глубокую благодарность Его Святейшеству Патриарху Алексию и его митрополитам, бдительно стоящим на страже этого плодотворного виноградища.

Мы никогда не забудем исключительное радушие, с которым встречали нас верующие повсюду, куда мы приезжали, и их горячее желание получить благословение наших преосвященных и облобызать наши руки, будь то в церкви или вне ее.

То, что мы видели, побуждает нас вознести молитвы Всевышнему, моля Его ниспослать этому народу за его благочестие радость и благоденствие.

**Александр, Патриарх Антиохии и всего Востока
Феодосий, Митрополит Триполи
Нифон, Митрополит Баальбека
Илия, Митрополит Гор Ливанских**

11 сентября 1954 года
г. Одесса

Письмо в редакцию «Журнала Московской Патриархии»

Глубокоуважаемый редактор «Журнала Московской Патриархии»! Шлю Вам свое благословение и заверения в уважении.

С малых лет я мечтал посетить Русскую Православную Церковь. Я много слышал о вашей вере, о древних обрядах и о глубоком благочестии и образованности руководителей Русской Православной Церкви. Я внимательно читал всю литературу о ней, выходящую на арабском языке еще до первой мировой войны, а затем — до второй мировой войны, ужасы которой в памяти до сих пор.

В последнее время западная пропаганда пытается всячески очернить Советское правительство, затрагивая при этом и Православную Церковь. Так, она утверждает, что Советское правительство преследует Церковь...

И вот я стал перед дилеммой: с одной стороны — лживая пропаганда, которая систематически, изо дня в день наполняет страницы газет и журналов в нашей стране. С другой стороны — внутренний голос, который подсказывал мне, что русский народ и его правительство не могут ни при каких обстоятельствах придти к безбожию, потому что слишком сильны в нем благочестивые традиции, уходящие своими корнями в далекое прошлое.

И вот мне удалось посетить эту страну вместе с Его Блаженством Патриархом Александром и в сопровождении Преосвященных митрополитов: Триполийского Феодосия и Гор Ливанских Илии. Я побывал в Ленинграде, Москве и Одессе. Вместе с делегацией Патриарха я отслужил там несколько молебнов в воскресные дни и в дни праздников.

Я видел обширные храмы, поражающие великолепием своего внутреннего убранства и обилием представленных в них произведений живописи и скульптуры, а также золотых украшений. Особенно восхитили нас высокие сверкающие купола, которые видны издали и в городах и в селах. Но самое прекрасное, что я видел, это народ, наполнявший эти храмы и утром и вечером. И, может быть, тех, кого не вмещал храм, несмотря на его размеры, было значительно больше, чем тех, кто был внутри его. Однажды на молебне присутствовало, по моим подсчетам, не менее десяти тысяч человек. Тогда я подумал, что это невозможно, и сказал себе, что наверное их насильно согнали в храм для показа, (как утверждает обычно лживая пропаганда).

Но перед мной открылась истина и обратила стрелы лживой пропаганды против тех, кто их пустил, когда я услышал, как все молящиеся в храме участвовали в песнопении. Особенно растрогали меня малые дети, и, слушая музыку, я не мог удержаться от слез. Откуда эти люди научились так петь? Когда слушаешь их, кажется — будто поют ангелы. Иногда молящиеся проводят в храме по четыре — пять часов стоя, не имея ни скамеек, ни стульев. Но они не ропщут, а смиренно внимают священнику и слушают певчих. При выходе нашем из храма они встречали нас, чтобы получить наше благословение, а помазание елеем длилось часами — так велико было число молящихся. Во время причащения к священникам, исполнявшим таинство, стояло три очереди, и я наблюдал, с каким благоговением причащались молящиеся. Я видел, как сотни людей крестили детей в храмах в воскресные и праздничные дни, и узнал, что в России нет ни одного некрещеного христианина.

Ни в одной стране я не видел такой веры в людях, как в России. Мне пришлось быть в Европе, во всех странах Южной Америки, не говоря уже о странах Востока, и везде я видел верующих, но нигде, ни в одной стране не видел такой веры, как в русском народе. На Западе чувствуется неискренность, там подолгу молятся молча. Но только в России народ поистине благочестив. Что же касается утверждений о том, что правительство будто бы преследует религию, то это самая возмутительная клевета.

Как может русское правительство преследовать Церковь, когда в самом правительстве есть министр по вопросам религиозных культов и его заместитель? Как совместить несовместимое? Ведь не бывает же лето и зима одновременно. Заместитель министра по вопросам религиозных культов сопровождал нас, жил вместе с нами, обедал с нами за одним столом, и мы нашли, что его познания в вопросах религии не уступают знаниям людей, окончивших духовные академии. Через прочную духовную ограду, возведенную Его Святейшеством Патриархом Алексием, митрополитами и благочестивым русским духовенством, не проберется ни один вор, ибо паства здесь внимлет голосу своего пастыря и следует на его зов, и сам он отдает себя целиком и бесповоротно на служение пастве. Ему ли бояться пропаганды, когда правительство его страны, которое возвело неприступную крепость с моря, воздуха и суши, стоит на страже Православной Церкви и других религий.

Что же касается невмешательства религии в политику, то Христос сказал, что Его Царство не от мира сего. Государство прибегает к помощи духовенства, когда оказываются бессильными его политики. Но Россией управляют выдающиеся деятели и потому здесь нет надобности отрывать духовенство от его прямой духовной миссии.

Не это ли является отличительной чертой всех передовых государств?

Почему Ватикан не обратился к вопросу развода во Франции, Италии и других странах или к вопросу о гражданском браке, противоречащим его учению?

Я возношу благодарение Богу за то, что Он дал мне возможность посетить Россию. Голос свыше сказал мне: «Ступай и узри!» — и я пошел, и узрел, и уверовал, и теперь говорю: «Не отвергай раба Своего, о, Господи, Ты ведь учишь прощению. Глаза мои прозрели... я приношу свою благодарность Его Святейшеству Патриарху Алексию и его митрополитам, которые бдительно охраняют свои владения и не допустят в них ни осла, ни дикого кабана, — как говорится в Писании».

Мудрый Патриарх сумел сочетать свою деятельность с деятельностью правительства, стремящегося к сохранению мира от посягательств раскольников.

Колоссальные средства, которые ежедневно расходуются на подготовку войны с Россией, могли бы обеспечить счастье миллионов людей на долгие годы. Даже небольшой части средств, расходуемых ежедневно на Западе для разжигания религиозной вражды, искра которой проникла и в нашу страну, хватило бы, если отказаться от политики насилия, на то, чтобы установить вечное соглашение и мир между религиозными группами на благо всего человечества.

Наш прямой долг, как духовных руководителей, стать между враждующими лагерями, высоко держа знамя Мира и Веры Божией. Не пристало духовному руководителю вести себя как политикану и ради собственного величия побуждать своих помощников использовать пропаганду и вести людей к голоду и обнищанию.

Я возвращаюсь к себе на родину и там, как перед Богом, скажу то же, что рассказал здесь. Я расскажу о своей слепоте и предубежденности, которая так долго длилась и которой пришел конец. Я говорю так не потому, что я еще в России — ей не нужны заверения слабого человека, подобного мне, — я говорю так в силу своего убеждения и потому, что я видел все это своими глазами. И в церквах Триполи в моих ушах будут попрежнему звучать ангельские голоса детей и взрослых из России, своим пением возносящих славу Господу, и навеки сохраню в своей памяти их радующие и гостеприимство к посланцам Востока.

Да, воспоминание об этом останется в моем сердце навеки. И, не боясь ничьих упреков, я приношу свою благодарность правительству, которое столь мудро и умело хранило и хранит наследие прошлого и которое заслужило благодарность жителей всех областей.

Да пребудет с нами Господь!

Митрополит Захле и Баальбека Нифон

11 сентября 1954 года
г. Одесса

ЖЕЛАННЫЕ ГОСТИ

(О пребывании в СССР Болгарской церковной делегации)

По приглашению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия в июле текущего года в Москву прибыла делегация Болгарской Православной Церкви во главе с её Предстоятелем Святейшим Патриархом Кириллом. В состав делегации входили: члены Священного Синода Болгарской Православной Церкви Врачанский митрополит Паисий (За-

меститель Патриарха) и Ловчанский митрополит Филарет, а также епископ Главиницкий Стефан и член Высшего церковно-хозяйственного совета священноэконом Ив. Юлиев — председатель Болгарского Священнического союза. Эта делегация прибыла в Москву с целью нанести визит вежливости Патриарху Алексию. В прошлом году на торжества восстановления патриаршества и интронизации Патриарха Кирилла Русская Православная Церковь посылала в Болгарию свое официальное представительство во главе с Высокопреосвященным Митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием. Теперь Патриарх Кирилл, возглавляя высокое представительство Болгарской Православной Церкви, прибыл в гости к Патриарху Московскому и всея Руси.

В православном мире междуправославные отношения значительно оживились лишь в последнее десятилетие. До этого времени, на протяжении нескольких столетий, разделенные трудными политическими условиями церкви Православного Востока общались с нами и между собою очень мало. И верно то, что некоторые из них не только не искали должного общения в духе любви и соборного сотрудничества, но иногда ставили свои поместные интересы выше вселенских и потому отчуждались друг от друга. Неудивительно, что в этих условиях православные церкви-сестры отвыкли от общей соборной жизни и даже перестали интересоваться жизнью Вселенского Православия. Но в наше время общение между ними восстанавливается, способствуя осознанию общецерковных нужд.

Это общение осуществляется прежде всего в личных встречах предстоятелей и иерархов наших церквей. Значение этих встреч заключается в том, что они возрождают практику соборности поместных церквей и способствуют выявлению всеправославной вселенской соборности, в духе которой должны решаться все общецерковные вопросы. Вот почему все поместные православные церкви относятся к этим встречам не только с интересом и благожелательностью, но и с большими надеждами.

* * *

Болгарские гости прилетели из Софии в пятницу, 16 июля, перед вечером. На Внуковском аэродроме их встретили: Высокопреосвященный Николай, Митрополит Крутицкий и Коломенский, архиепископ Харьковский и Богодуховский Стефан, архиепископ Рижский и Латвийский Филарет, управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Н. Ф. Колчицкий, протоиерей В. Д. Шпиллер, протоиерей В. Е. Елховский, диакон А. А. Введенский, настоятель Болгарского подворья в Москве архимандрит Максим. От Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Болгарскую церковную делегацию встречали: Заместитель Председателя Совета С. К. Бельшев и член Совета Г. Т. Уткин. От Болгарского посольства делегацию встречал первый советник посольства г. Журлов и другие лица.

Из самолета, прибывшего из Болгарии в точно предусмотренный расписанием час, гости вышли немного усталые, но в самом лучшем расположении духа. Раздались сердечные слова первых взаимных приветствий — Митрополита Николая и Святейшего Патриарха Кирилла. Затем последовал краткий отдых в зале ожидания аэропорта, во время которого были быстро выполнены все необходимые паспортно-таможенные формальности. После этого Болгарская церковная делегация, вместе с встречавшими ее лицами, отправилась на машинах в город по шоссе, освещенному золотистыми лучами предзакатного солнца.

* * *

В первый день своего пребывания в Москве гости сделали визит Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову. После этого они отправились в За-

горск, в Троице-Сергиеву Лавру, где их ожидал в своих покоях Святейший Патриарх Алексий.

В воскресенье, 18 июля, гости принимали участие в лаврских торжествах и затем вернулись в Москву, где им предстояло провести всю следующую неделю. Это время было посвящено осмотру достопримечательностей столицы.

Прежде всего болгарские гости посетили 19 июля Воскресенский храм в Сокольниках, где приложились к чтимой Иверской иконе Божией Матери. В тот же день они побывали в Свято-Никольском храме, что на Ново-Кузнецкой улице, в Преображенской церкви и в храме села Алексеевского. Причты этих храмов, во главе с их настоятелями, радушно встречали гостей при большом стечении прихожан, выражавших по их адресу самые теплые чувства, а в Преображенской церкви встречал митрополит Николай.

Первая часть следующего дня была уделена гостями осмотру сокровищ Третьяковской галереи. Там они долго стояли перед картиной А. Иванова «Явление Христа народу» и перед полотнами Верещагина.

Из Третьяковской галереи болгарские гости направились в бывший Новодевичий монастырь, где побывали в Успенском храме и осмотрели принадлежащее Московской Патриархии производство свечей и церковной утвари. Затем они пошли на кладбище, на котором посетили могилы Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и других выдающихся людей.

Вечером того же дня болгарских гостей встречали в Богоявленском Патриаршем соборе, где они приняли участие в совершении всенощного бдения под праздник в честь Казанской иконы Божией Матери. По окончании всенощной Патриарх Кирилл совершил в сослужении болгарских митрополитов литию на могиле Патриарха Сергия.

На другой день болгарские иерархи участвовали в служении литургии в Богоявленском Патриаршем соборе, а к вечеру служили литию на могиле Патриарха Тихона в быв. Донском монастыре.

22 июля Болгарская церковная делегация с большим интересом осмотрела достопримечательности Кремля: Успенский и Благовещенский соборы, колокольню Ивана Великого и Грановитую палату с ее бесценными сокровищами. Впечатления этого дня были дополнены осмотром Красной площади, посещением Мавзолея Ленина и Сталина и вечерним приемом в Совете по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.

Весь следующий день был посвящен прогулке по каналу имени Москвы на комфортабельном теплоходе «Максим Горький». Замечательная погода позволила капитану парохода пристать к одной из пристаней канала, и гости смогли отдохнуть на живописном берегу в дремучем лесу.

В субботу, 24 июля, состоялась прогулка на Ленинские горы с целью осмотра нового здания университета. Здесь гостей встретила женщина-экскурсовод, которая показала сначала огромные холлы в нижних этажах университета, затем аудитории, библиотеки и, наконец, жилые комнаты и квартиры студентов и аспирантов университета в верхних этажах, куда нужно было подниматься на скоростных лифтах. С балконов одного из верхних этажей университетского здания гости смотрели на Москву.

Вечером этого дня члены Болгарской церковной делегации служили всенощную: Врачанский митрополит Паисий с архиепископом Харьковским и Богодуховским Стефаном в храме св. Пимена Великого, Ловчанский митрополит Филарет с архиепископом Рижским и Латвийским Филаретом в храме Всех святых, а епископ Главиницкий Стефан со священнооконом И. Юлиевым в храме св. Илии Пророка в Черкизове.

Святейший Патриарх Кирилл молился в это время в Крестовой церкви Троицкого подворья у Святейшего Патриарха Алексия в Переделкино. Это — бывшая усадьба бояр Колычевых, семьи убиенного св. Филиппа, митрополита Московского. В недавно отремонтированном доме-тереме

тщательно восстановлена прежняя роспись стен, потолков, сводов и переходов, ведущих из жилых покоев в ризничную и в маленькую Крестовую церковь Святейшего Патриарха, где совершалось всенощное бдение, за которым, кроме двух патриархов, молился также и Предстоятель Православной Церкви в Чехословакии Блаженнейший Митрополит Елевферий.

На следующий день, в воскресенье, Патриарх Кирилл, в присутствии всех членов делегации и сопровождавших их иерархов, совершал литургию в Успенском храме Болгарского подворья. На этом и окончились церковные служения гостей в наших московских храмах.

В воскресенье, 25 июля, гости отбыли в Ленинград, откуда они должны были направиться в Грузию, с визитом к Патриарху-Католикусу Мелхиседеку, и затем вернуться в Москву через Киев, где им хотелось побывать непременно.

* * *

В Ленинграде Болгарскую церковную делегацию встречали: Высокопреосвященный Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, епископ Таллинский Роман и представители ленинградского духовенства. На вокзале приветствовал гостей и Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Ленинграду и области А. И. Кушнарев.

В тот же день делегация сделала визит Митрополиту Григорию. Перед вечером состоялась небольшая первая прогулка по городу, о котором каждый из гостей слышал и читал так много с самого детства. Они были поражены красотой архитектурных ансамблей города и долго любовались Зимним дворцом, зданием Адмиралтейства, Медным Всадником и полной Невой.

Вечером гости посетили Никольский и Спас-Преображенский соборы, Смоленское кладбище и могилу блаженной Ксении. Всюду было много народа, встречавшего гостей с самым искренним радушием.

На следующий день рано утром все отправились на машинах в Петродворец. Большой дворец оказался восстановленным, и это поразило Патриарха Кирилла, уже видевшего Петергоф после войны. В честь гостей были приведены в действие все фонтаны Большого каскада, которые бесчисленными струями заиграли вдруг на ярком солнце всеми цветами радуги. Вокруг была масса свежей зелени и цветов, а внизу расстилались водные просторы Балтики.

После Петродворца болгарские гости осмотрели Эрмитаж, а вечером служили всенощную в Никольском соборе в его верхней Богоявленской церкви. За всенощной пел мощный митрополичий хор, который порастил гостей совершенством исполнения церковных песнопений.

Следующий день начался литургией во Владимирском соборе, которую совершали: Патриарх Кирилл, Митрополит Григорий, Митрополит Паисий, Митрополит Филарет, епископ Стефан и архиепископы Стефан и Филарет. После литургии у Митрополита Григория состоялся в честь гостей обед. Затем гости осмотрели историческое кладбище Александро-Невской Лавры и оттуда прошли в Духовную академию, где прослушали выступление хора, исполнившего ряд церковных песнопений.

Вечером Болгарская церковная делегация, вместе с Митрополитом Григорием, направилась обратно в Москву. На вокзале уезжавших провожали: епископ Таллинский Роман, епископ Михаил, только что приехавший из Финляндии, ленинградское духовенство и миряне.

* * *

Из Москвы делегация вылетела в Тбилиси в день своего возвращения из Ленинграда и 30 июля утром прибыла в Тбилиси, где ее радушно встретили Митрополит Батумский Ефрем и епископ Кутанский Гавриил, окруженные представителями тбилисского духовенства и верующими.

В день приезда в Грузию болгарские гости, после приема у Патриарха-Католикоса Мелхиседека, осмотрели три тбилисских церкви, замечательных своею древностью. Перед вечером выезжали за город, а на следующий день побывали в Гори, с заездом на короткое время в древнюю грузинскую столицу Мцхет, «где сливаясь шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры»... Затем осмотрели церковь св. Цховели, украшенную очень интересными фресками в грузинском стиле. Побывали и в церкви Св. Нины с гробницами св. Нины и первого грузинского христианского царя Мириана, утвердившего в 326 году христианство в Грузии.

По возвращении из Гори делегация присутствовала у Патриарха-Католикоса Мелхиседека на обеде, после которого в патриаршем Сионском соборе Успения Пресвятой Богородицы было отслужено всенощное бдение. Здесь Патриарх-Католикос приветствовал Болгарского Патриарха речью, в которой благодарил за честь его посещения. Он сказал, что в прошлом году Грузинская Православная Церковь сочла нужным послать на интронизацию Болгарского Патриарха епископа, потому что для нее соборное единство поместных православных церквей так же дорого, как и для Болгарской Церкви. Патриарх Кирилл произнес ответную речь в духе глубокой верности этому единству, проявляемому во взаимных отношениях Грузинской и Болгарской православных церквей.

*

* * *

На следующий день делегация совершила перелет в Киев, где провела вечер воскресенья и понедельник. В Киеве болгарские гости молились в надпещерной церкви Лавры и посетили пещеры Ближние и Дальние. Осмотрели они и город, потонувший в зелени, полюбовались чудным Днепром и Заднепровьем, куда их ввели гостеприимные хозяева. Митрополит Киевский и Галицкий Иоанн, Экзарх Украины, принимал гостей в своем доме. Затем они побывали в кафедральном Владимирском соборе, в Андреевской церкви, где прикладывались к мощам св. влмц. Варвары, и в Покровском женском монастыре.

3 августа делегация возвратилась в Москву, где побывала на только что открытой Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. А на следующий день Святейший Патриарх Кирилл и члены делегации прощались с Патриархом Алексием, затем побывали с прощальным визитом в Совете по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, а вечером были на приеме в Болгарском Посольстве. Этот прием, на котором присутствовали: Патриарх Алексей, Митрополит Николай, архиепископы, состоявшие при Болгарской делегации, протопресвитер Н. Ф. Колчицкий, Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпов, заместитель его С. К. Бelyшев, наш бывший посол в Софии М. Ф. Бодров и сотрудники Болгарского Посольства, прошел в самой приятной обстановке благодаря радушию Болгарского посла в Москве г-на К. Луканова.

На следующее утро Болгарская церковная делегация, провожаемая представителями нашей Церкви, отправилась самолетом на Родину, увозя с собою множество впечатлений вместе с чувством еще более окрепшей связи с Русской Православной Церковью.

«Счастливые вернулись мы в Софию после трехнедельного пребывания в гостях у Его Святейшества Алексия и Русской Церкви», — пишет в одном из своих последних писем Патриарх Кирилл. «Богаты наши впечатления... О многом будем думать, так как от русской церковной жизни мы получили серьезные внушения для нашей духовной жизни и церковной деятельности».

Прот. В. Шпиллер

К ПРЕБЫВАНИЮ В СССР ПРЕДСТОЯТЕЛЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

16 июля сего года в Москву прибыл Предстоятель Чехословацкой Православной Церкви Блаженнейший Митрополит Пражский и всея Чехословакии Елевферий для участия в торжествах 600-летия Троице-Сергиевой Лавры, приуроченных к 18 июля — дню обретения мощей Преподобного Сергия Радонежского.

Спустя несколько дней после праздника, Митрополит Елевферий отправился в Одессу, куда прибыл 29 июля. Встречавший высокого гостя архиепископ Херсонский и Одесский Никон проводил его в Успенский монастырь, в котором находится летняя резиденция Святейшего Патриарха Алексия.

31 июля, в канун праздника преподобного Серафима Саровского, Блаженнейший Елевферий совершил в кафедральном Успенском соборе всенощное бдение. После Евангелия он обратился к молящимся с приветствием и поведал им о жизни Чехословацкой Православной Церкви и о великом ее торжестве по случаю воссоединения униатов.

На другой день, в воскресенье, Митрополит Елевферий совершал Божественную литургию в сослужении архиепископа Никона и местного духовенства. За этой литургией состоялось два рукоположения: во священника и в диакона.

По окончании Божественной литургии Блаженнейший Митрополит Елевферий обратился к молящимся с трогательным словом, в котором выразил свое высокое удовлетворение от совместной молитвы с верующими людьми Одессы и призвал на них Божие благословение.

В ответном слове архиепископ Никон благодарил высокого гостя за совместную молитву и сказал, что это богослужение явилось большим церковным событием, выразившим братские отношения между двумя православными автокефальными церквями. Он пожелал Чехословацкой Православной Церкви дальнейшего роста и процветания, а ее Предстоятелю — здоровья, крепости сил и преуспеяния в трудном и ответственном его служении.

Затем староста собора, от имени мирян, поднес Его Блаженству икону Пресвятой Богородицы. После этого Митрополит Елевферий, сопровождаемый архиепископом Никоном, отбыл из собора.

Отъезд Блаженнейшего Митрополита Елевферия в Прагу состоялся 25 августа.

В ГОСТЯХ У МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

С 9 по 31 августа 1954 года у нас гостила делегация деятелей Православной и Лютеранской церквей Финляндии. В состав делегации входили следующие лица: староста Успенского собора г. Хельсинки А. А. Денисов, член церковного управления Финляндской Православной Церкви д-р Пааво Контканен, руководитель Союза православной молодежи Финляндии священник Эрки Пийройнен, помощник ректора православной семинарии священник Аари Суракка, лютеранские пасторы — Симо Керанто и Мауно Мякинен, староста одного из православных храмов Ф. П. Бородулин и уполномоченные Церковного совета Успенского собора в Хельсинки Н. А. Кулаков и Г. А. Воронин.

Эта делегация приезжала к нам с целью узнать правду о нашей стране и особенно о жизни Русской Православной Церкви. Касаясь взаимоотношений Русской и Финляндской православных церквей, гости вырази-

ли надежду на то, что их пребывание у нас послужит делу сближения наших церквей, хотя на пути к этой цели может встретиться немало трудностей.

Московская Патриархия предоставила финским гостям все возможности для изучения церковной жизни в нашей стране. Сначала они провели около недели в Ленинграде, где побывали в нескольких городских и пригородных храмах, посетили духовные школы и беседовали с Митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием.

Из Ленинграда Финская церковная делегация прибыла 15 августа в Москву, сопровождаемая Преосвященным Михаилом и протоиереем М. В. Славнитским. На московском вокзале гостей встречали: протоиерей

ФИНСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ
ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

М. В. Зернов и ответственный сотрудник Московской Патриархии С. И. Филиппов, а от Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР — С. И. Суворов.

За время своего пребывания в Москве Финская делегация была принята в Московской Патриархии, где гости имели беседу с Митрополитом Николаем, а затем посетила ряд московских и загородных храмов во время богослужений. В первый же день своего приезда гости посетили Воскресенский храм в Сокольниках, где пребывает великая московская святыня — Иверская икона Божией Матери. Накануне праздника Преображения Господня они молились в храме «Всех скорбящих радости», что на Ордынке, за всенощным бдением, а в день Преображения присутствовали в Богоявленском Патриаршем соборе за Божественной литургией, которую совершал Святейший Патриарх Алексий. В праздник Успения Божией Матери делегаты с раннего утра были в Троице-Сергиевой Лавре. Там православные священники Аари Суракка и Эрkki Пийройнен совершали раннюю литургию в надвратной церкви, а за поздней литургией все члены делегации присутствовали в Успенском соборе, где служил Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. На второй день праздника вечером гости молились на чине погребения плащаницы Божией

Матери в храме Иоанна Воина, где настоятелем протоиерей И. Малюшицкий, знакомый делегатам по его посещению Финляндии в 1952 году.

Во время своего пребывания в нашей стране финские гости имели возможность ознакомиться и с жизнью Грузинской автокефальной Православной Церкви. В городе Тбилиси Финская делегация была принята Святейшим Патриархом-Католикосом всея Грузии Мелхиседеком, присутствовала за вечерней в одном из храмов города, посетила древний Сионский собор и еще более древний собор в городе Мцхете. За одной из трапез в Тбилиси было обращено внимание гостей на факт дружественных отношений между Русской и Грузинской церквями. А между тем в прошлом между ними бывали недоразумения, которые при наличии доброй воли с обеих сторон были урегулированы.

Финские церковные делегаты побывали и в Киеве. Там они осматривали древний Софийский собор и шедевр церковного зодчества нового времени — Владимирский собор, молились в храме Киево-Печерской Лавры за Божественной литургией, которую совершал викарий Киевской епархии епископ Нестор, и спускались в Ближние и Дальние пещеры, где почивают святые киево-печерские угодники. Здесь они горячо молились и в каждом храме пели на финском языке тропари праздников, во имя которых освящены эти храмы.

Находясь в Киеве, члены Финской церковной делегации — д-р Пааво Кентконен, священник Аари Суракка и лютеранский пастор Симо Керанто — выступили у микрофона с заявлениями, в которых рассказали о своих впечатлениях от посещения Ленинграда, Москвы, Тбилиси и Киева (тексты этих выступлений см. на стр. 74—76 этого номера).

Из своих наблюдений и бесед с руководящими деятелями Русской Православной Церкви члены финской церковной делегации имели возможность не только ознакомиться с нашей церковной жизнью, но и получить представление о взаимоотношениях Церкви и Государства в Советском Союзе. Делегация была принята Председателем Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карповым и имела с ним продолжительную беседу. Не раз встречалась она с членами и сотрудниками Совета. Часть делегации выразила пожелание встретиться с членами Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и была принята ответственным работником этого Совета.

Нашу церковную жизнь, конечно, трудно постигнуть вне знакомства с жизнью страны и всего народа в целом. Поэтому финским гостям были представлены самые широкие возможности для ознакомления с нашей действительностью. В Ленинграде, например, они осматривали достопримечательности города и беседовали с его жителями, а в Москве посетили Кремль, осмотрели метрополитен, Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, были в театре, в цирке и во многих музеях. Много дала им прогулка по каналу имени Москвы и в подмосковный музей Архангельское. По утрам они гуляли по Москве, посещали магазины и очень часто вступали в разговоры с москвичами. В Тбилиси гости ездили на так называемое Тбилисское море и посетили город Гори, а на обратном пути из Тбилиси побывали в Сочи, в санатории «Ривьера», где беседовали с врачами и больными. Осмотру Киева помешал дождь, но все же и там финским гостям удалось посмотреть то, что они хотели.

Определяя значение приезда Финской церковной делегации в нашу страну, нельзя не вспомнить меткого выражения Митрополита Николая, который в беседе с гостями назвал их «первыми ласточками». Мы не будем сейчас касаться наших междуправославных расхождений и называть их виновников, ибо об этом уже много писалось в печатных органах обеих церквей, но должны отметить, что лед тронулся, так как противозастенное разделение наших православных церквей, из которых одна является дочерью другой, стало беспокоить православных финнов. А это значит,

что, несмотря ни на какие временные преграды, весна новых дружественных взаимоотношений между Русской и Финляндской православными церквями, несомненно, восторжествует над зимой холодных недоразумений и обид.

Прот. М. Зернов

ПИСЬМА ИЗ ПАЛЕСТИНЫ

(Письмо третье)

Русская Духовная Миссия в Палестине отметила 6 сентября сего года двухлетие со дня кончины старейшего своего члена, архимандрита Мелетия, скончавшегося в 1952 году на 80-м году своей жизни.

Архимандрит Мелетий (в мире Дмитрий Николаевич Розов) родился 9 декабря (27 ноября ст. ст.) 1872 года в семье сельского священника б. Даниловского уезда Ярославской епархии. Образование он получил в духовном училище и Ярославской духовной семинарии.

Отличаясь особой религиозностью, юноша Дмитрий решил посвятить свою жизнь на служение Церкви Христовой. Стремясь к иноческому подвигу, он по окончании духовной семинарии был принят в число братии Балаамского монастыря, где, уже будучи иеромонахом, кроме общего церковного послушания, в течение ряда лет проходил также должность учителя начальной монастырской школы для приходящих мальчиков.

Балаамские годы оставили в душе о. Мелетия неизгладимые впечатления и воспоминания. Но его влекло посетить Палестину, овеянную священными воспоминаниями из жизни Спасителя, Его Пречистой Матери и святых Апостолов, и, если можно, закончить там жизненный путь.

Как бы в ответ на это желание, Святейший Синод назначил в 1907 году иеромонаха Мелетия членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В этом звании Господь и судил ему потрудиться до самой своей смерти.

Немало тяжелых переживаний выпало за эти долгие годы на долю о. Мелетия. Со вступлением Турции, владевшей Палестиной в первую империалистическую войну, весь состав Русской Духовной Миссии в Иерусалиме был вывезен в Египет, в Александрию. Когда же, после разгрома Турции, о. Мелетий вернулся в Иерусалим, он нашел здание Миссии занятым английскими властями, получившими мандат на управление Палестиной, и много должен был потрудиться уже в качестве исполняющего обязанности начальника Миссии, для приведения миссииских дел в надлежащее устройство.

За свои труды о. Мелетий 17 июля 1922 года был возведен Блаженнейшим Дамианом, Патриархом Иерусалимским, в сан архимандрита.

Тяготясь многотрудной и ответственной должностью начальника Миссии, архимандрит Мелетий не раз ходатайствовал об освобождении его от этой должности. Но только в 30-х годах ходатайство его было удовлетворено окончательно, и он перешел на положение рядового члена Миссии.

Последние годы жизни архимандрита Мелетия проходили опять в новых политических условиях. В 1948 году, после войны евреев с арабами, была провозглашена независимость государства Израиль, под власть которого отошла, между прочим, та часть Иерусалима, в которой находится здание Русской Духовной Миссии. В конце того же года в Иерусалим прибыл из Московской Патриархии новый состав Миссии во главе с архимандритом Леонидом. Архимандрит Мелетий, еще ранее засвидетельствовавший свою верность Родине и Московскому Патриарху, встретил новых насельников Миссии со свойственными ему радушием и почтительностью и весь свой многолетний опыт и слабеющие силы отдал на помощь новому руководству Миссии.

Необыкновенная жара в августе и сентябре 1952 года губительно отразилась на уставшем сердце о. Мелетия. Отслужив последнюю литургию в праздник Преображения Господня, о. Мелетий все же продолжал и далее неуклонно посещать церковные службы. 6 сентября, в полдень, после сильного сердечного припадка он тихо скончался на руках у своих братьев.

Торжественное отпевание почившего состоялось 8 сентября в Троицком соборе после литургии по установленному чину, с участием греческого духовенства и в присутствии многочисленных молящихся и гостей, знавших и уважавших покойного о. архимандрита. В двух надгробных речах была очерчена его светлая личность, его глубокая преданность Церкви и Родине, как и большие заслуги перед Русской Духовной Миссией.

Тело о. Мелетия было предано земле на русском кладбище Горненского монастыря, близ Иерусалима. Три венка из живых цветов украсили свежий могильный холм. Позднее на нем был поставлен мраморный памятник с соответствующей надписью.

Протоиерей А. Громов

НА ПРИХОДЕ

О БЛАГОВЕСТВОВАНИИ СЛОВА БОЖИЯ ЗА БОГОСЛУЖЕНИЕМ

Только тому, кто живет полнотою церковной жизни, открываются тайны Царствия Божия. Откроется ему и тайна слова Божия, возвещающего в храме.

Если в Церкви, как говорит один из наших богословов, «учение живет и жизнь учит» (Хомяков), то справедливость этого утверждения особенно относится к слову Божию. «Ибо слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюду острого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4, 12).

Действительно, мы знаем немало примеров могущественного и неотразимого влияния слова Божия, когда оно всецело и мгновенно покоряет себе человека.

Вспомним великого подвижника и основателя монашеского жития преподобного Антония Великого. Услышав в храме слова Евангелия, обращенные Иисусом Христом к богатому юноше «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, и следуй за Мною» (Матф. 19, 21), он, одушевленный этими словами, роздал все свое имение бедным и удалился в пустыню.

Вспомним блаженного Августина, который бросил свои порочные удовольствия, когда услышал в храме чтение из Апостола, призывающего оставить пьянство, любодейные и студодейные и «облечься в Господа нашего Иисуса Христа» (Римл. 13, 14).

А Никита, родом из Переяславля Залесского, который притеснял бедноту и неправедною мздою кормил себя, услышав в храме слова пророка Исаии: «измыйтесь и чисти будете, отымити лукавство от душ ваших» (1, 16), потерял покой, пока не оставил службу, дом и не поступил в монастырь, удостоившись затем причисления к лику святых.

Если, как мы видим, слово Божие не есть то же, что слово человеческое, но заключает в себе «силу ко спасению всякого верующего»

(Рим. 1, 16), то и читать его, и слушать его должно не так, как простую книгу. В слове Божиим Сам Бог беседует с нами, и здесь мы входим с Ним в благодатное общение. Поэтому нужно стараться это Божественное слово доводить до человека так, чтобы оно проникало в душу, как семя, и, будучи воспринято, приносило бы жизненный плод. И Церковь действительно за богослужением prepares своих чад определенным образом к достождолжному слушанию и восприятию слова Божия.

Так мы видим, что Евангелие перед чтением торжественно выносится из алтаря через царские врата, изображая Самого Спасителя, выходящего на проповедь. Перед Евангелием несут зажженные свечи или светильники в знак света Христова учения, разгоняющего тьму неведения. При архиерейском служении за литургией Евангелию предшествуют еще рипидоносцы с рипидами, изображающими ангелов, и диаконы с курящимися кадилами, символизирующими благоухание словес Божиих. Святое Евангелие, как некое сокровище в прекрасном бархатном переплете или окованное серебряным позлащенным окладом и драгоценными камнями, торжественно и благоговейно несутся прото-диаконом или диаконом на высоко поднятых руках. Непосредственно перед чтением Евангелия возглашаются слова «Премудрость, прости», означающие, что сейчас будут читать премудрые слова, Самим Богом или через Его вестников нам открытые, и что эти слова верующие должны слушать «прости», то есть стоя прямо (стоящее здесь греческое слово «орфи» по-русски означает «прямо»), с благоговением и вниманием, как делают люди, когда входит и говорит какой-нибудь начальник или важное лицо. К тому же приглашает нас и возглас «Вонмем», то есть будем внимательны, не рассеиваясь мыслями, не разговаривая и не производя шума в храме, что мешает сосредоточиться себе и другим. Благодарением «мир всем» Святая Церковь преподает верующим благодать мира и тишины духовной, побуждая отвлечься от страстей, возмущающих душу. Наконец, благодарственный возглас: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе», который певчие поют как перед чтением Евангелия, так и после его прочтения, ставит нас непосредственно перед лицом Господа, глаголющего в Евангелии, воздавая хвалу Ему за слово Его.

Самое чтение Евангелия должно производиться также особенным образом: громко, размеренно и проникновенно, чтобы слово Божие достигло слушающих. К сожалению, мы нередко наблюдаем, что диаконы и особенно протодиаконы при чтении Евангелия не столько стремятся благовествовать слово Божие, сколько стараются выявить свои вокальные качества, и часто вместо благоговейного чтения издают какие-то неистовые вопли, в которых невозможно уловить смысл читаемого. Печально, что такое чтение встречает иногда поддержку со стороны некоторых настоятелей и тем самым прививает прихожанам недолжное отношение к слушанию слова Божия.

Во время чтения Евангелия в храме должна царить священная тишина, и народ благоговейно, со вниманием, должен слушать чтение, преклонив головы. В это время, как в один из священнейших моментов богослужения, никакое хождение по храму недопустимо; отпуск свечей должен прекращаться; входящие в храм в этот момент должны останавливаться у входа и лишь после окончания чтения Евангелия могут проходить на свои обычные места в храме.

В древние времена тотчас после Евангелия следовало поучение, разъяснявшее смысл прочитанного Евангелия. Желательно и теперь, чтобы поучение за литургией произносилось на евангельский текст данного дня. Раскрывая смысл слова Божия, такие поучения будут укреплять его в памяти прихожан, и давать им пищу для размышлений.

Свящ. А. Столяров

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ТРИФОНА

14 июля 1954 года исполнилось 20 лет со дня кончины одного из весьма чтимых иерархов Русской Православной Церкви Митрополита Трифона.

Митрополит Трифон (в миру Борис Петрович Туркестанов) родился в Москве 29 ноября 1861 года. С малых лет его душа особенно глубоко проникалась религиозными настроениями и влеклась к молитве и храму Божию. По окончании гимназии он поехал со своими родителями на богомолье в Оптину пустынь. Встреча с одним из замечательных старцев этой пустыни о. Амвросием, известным своей высокой духовной жизнью, окончательно решила дальнейшую судьбу юноши: он упросил родителей оставить его на послушание при старце Амвросии.

Ни суровый устав пустыни, ни уговоры друзей не изменили решения Бориса Туркестанова, который в самом расцвете молодости принял монашество с именем Трифона и, выполняя указание старца Амвросия, поступил в Московскую духовную академию.

По истечении некоторого времени он был рукоположен в Троице-Сергиевой Лавре во иеродиакона, а затем во иеромонаха, и после этого упросил начальство отпустить его священником в Московскую пересыльную тюрьму. Это был трудный подвиг, так как далеко не всякому священнослужителю удавалось расположить к себе сердца тягчайших уголовных преступников. Но иеромонах Трифон с честью оправдал взятое им на себя тяжелое послушание.

Вспоминая после, какое сильное впечатление производили на него великопостные службы в тюремной церкви, когда закованные в кандалы преступники вместе с ним клали земные поклоны, повторяя со слезами покаянные слова молитвы св. Ефрема Сирина, он говорил: «Дай Бог, чтобы православные христиане так каялись, как эти преступники».

Нельзя не вспомнить, как тогдашний Митрополит Московский Сергей, вызвавший к себе о. Трифона после окончания его трудов в пересыльной тюрьме, сказал ему: «Отец Трифон, Вы награждаетесь высокой наградой — золотым наперсным крестом, но это не я Вас награждаю и не Святейший Синод, а те преступники, которых Вы утешали. Так носите же этот крест с честью».

Окончив духовную академию и будучи уже в сане архимандрита, о. Трифон получил назначение на пост ректора Московской духовной семинарии, а в 1901 году он был посвящен во епископа Дмитровского, викария Московского митрополита. С этого момента началось его святительское служение, продолжавшееся 33 года.

Это служение, соединенное с высокой культурой, эрудицией, умом и личным обаянием Преосвященного Трифона, привлекло к нему огромный круг почитателей и духовных детей. Верующие москвичи называли его за проповеди «московским златоустом» и особенно любили посещать ранние обедни, которые он совершал для трудящихся, не имевших возможности посещать поздние богослужения.

В тяжелые годы первой империалистической войны Преосвященный Трифон оставил свое викариатство и отправился на фронт, где он совершал богослужения на линии огня, ободрял воинов в окопах во время боя, утешал тяжело раненых и напутствовал умирающих. Но война серьезно подорвала его здоровье, и он ушел на покой в Ново-Иерусалимский монастырь, где продолжал служить Святой Церкви, обновляя храмы монастыря и занимаясь духовно-просветительной деятельностью.

С 1918 года Преосвященный Трифон безвыездно жил в Москве, где каждое его служение было праздником для сослужащего с ним духовенства и молящихся, которых он своим словом и собственным примером

утверждал в верности Святой Матерѣ Церкви. Святейший Патриарх Тихон наградил его брильянтовым крестом для ношения на клобуке и саном архиепископа. А в 1931 году, когда исполнилось 30 лет епископского служения Преосвященного Трифона, он был возведен Патриаршим Местоблюстителем Митрополитом Сергием в сан митрополита.

Митрополит Трифон скончался 14 июля 1934 года, и похоронен в Москве на кладбище «Введенские горы». Память о нем продолжает сохраняться в сердцах верующих города Москвы. Непорочный святительский путь и беззаветное служение Русской Православной Церкви сделали его имя одним из самых светлых и почитаемых в ряду русских иерархов нашего века.

Иеродиакон Феофан

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА ЖОЛИО-КЮРИ

Вена, 7 сентября. (ТАСС). Секретариат Всемирного Совета Мира передал для опубликования в печати заявление председателя Всемирного Совета Мира Фредерика Жолио-Кюри. В заявлении говорится:

Усилия всех сторонников мира ознаменовались важными и большими успехами. Отклонение французским Национальным собранием «европейского оборонительного сообщества» в результате трехлетних неутомимых и все возрастающих усилий французского народа ликвидировало самое большое препятствие, стоящее на пути к переговорам в Европе.

Женевское совещание показало, что метод переговоров и взаимных уступок позволяет разрешить самые трудные и самые опасные конфликты.

В течение ряда лет правительства, международные и национальные организации, различные деятели, политические, социальные и религиозные движения предлагали решения, направленные на урегулирование наиболее важных международных вопросов.

Сегодня в мире, где впервые за 20 лет замолкли пушки, должны начаться переговоры, которые могут привести к урегулированию разногласий, до сих пор опасно разделяющих мир.

Атмосфера разрядки международной напряженности благоприятна для соглашения. Достижение такого соглашения, даже по некоторым определенным и ограниченным вопросам, уменьшит причины напряженности и откроет новый путь к миру, будет способствовать безопасности и благосостоянию всех народов, всех наций.

Мировое общественное мнение решительно высказалось за разрядку международной напряженности. Неоспоримым является тот факт, что его действия привели к окончанию войны во Вьетнаме и к отклонению «европейского оборонительного сообщества». Общественное мнение осознало силу своих действий. Правительства и коалиции, которые под предлогом обороны хотят навязать вооруженный мир, обеспечивающий им господствующее положение, должны считаться с международным общественным мнением.

Задачи, стоящие перед общественным мнением, значительны. Они заключаются в том, чтобы способствовать действительным переговорам, направленным на укрепление мира в Европе и Азии, и решительно побуждать государства идти по пути разоружения и запрещения оружия массового уничтожения.

Бюро Всемирного Совета Мира, которое соберется в Вене с 13 по

15 сентября, наметит средства, позволяющие международному общественному мнению выразить свою точку зрения и действовать в пользу переговоров и мира.

«Известия» от 8 сентября 1954 г., № 213.

ЗАЯВЛЕНИЕ БЮРО ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА

ВЕНА, 16 сентября. (Тассе). С 13 по 15 сентября в Вене проходила сессия Бюро Всемирного Совета Мира. Бюро Всемирного Совета Мира передало для опубликования в печати следующее заявление:

Крупные события принесли миру новую надежду и вознаградили усилия всех тех, кто борется за мир.

Были подписаны соглашения о перемирии в Корее и Индо-Китае; договоры о европейской армии, санкционирующие возрождение германского милитаризма, были отвергнуты французским парламентом.

Проводимые Всемирным Советом Мира мероприятия и кампании в защиту мира позволили призвать народы к действиям и организовать их усилия. Миллионы людей во всех странах по праву гордятся сегодня той ролью, которую они сыграли в этой великой победе.

Однако имеются другие опасности, требующие постоянной бдительности сил мира. Над Европой нависла непосредственная угроза, которая может свести на нет все достигнутые результаты. Восстановление германской армии с включением ее в состав военной коалиции продолжает оставаться целью некоторых правительств. Это увековечило бы раскол Германии, усилило бы противопоставление двух частей произвольно разделенной Европы, а также усилило бы гонку вооружений.

Бюро Всемирного Совета Мира призывает народы воспрепятствовать перевооружению Германии в какой бы форме и под каким бы предлогом оно ни проводилось. Бюро призывает народы побудить правительства Соединенных Штатов, Советского Союза, Великобритании и Франции без промедления возобновить переговоры.

Ни одно из правительств не должно создавать препятствия для переговоров, совершая действия, которые помешали бы их проведению, или же ставя предварительные условия.

Мирное урегулирование германской проблемы должно быть приемлемо для каждой из заинтересованных держав и для самого немецкого народа. Оно должно положить конец расколу Германии, должно не допустить, чтобы Германия была использована как орудие угрозы против кого-либо из своих соседей, и одновременно дать возможность организовать безопасность Европы.

Безопасность не может быть обеспечена в мире, расколотом на противостоящие друг другу блоки, путем создания военных коалиций. Для безопасности необходимо мирное сосуществование всех государств независимо от их политического или общественного строя, сотрудничество между всеми государствами и соглашение о всеобщем разоружении и запрещении оружия массового уничтожения.

Для того, чтобы объединить все силы мира вокруг этих великих задач, Бюро Всемирного Совета Мира постановило созвать 18 ноября 1954 года сессию Всемирного Совета Мира. Бюро предложит включить в повестку дня сессии и обсудить следующие вопросы:

1. Сотрудничество всех европейских государств в деле организации их общей безопасности.

2. Положение, возникшее в различных частях Азии в результате иностранного давления и создания системы блоков и военных коалиций.

3. Положение, сложившееся в Латинской Америке, вследствие иностранного вмешательства во внутренние дела государств.

4. Борьба сил мира за разоружение и за запрещение оружия массового уничтожения.

5. Подготовка к созыву в течение первого полугодия 1955 года ассамблеи представителей сил мира всех стран.

«Известия» от 17 сентября 1954 г., № 221.

ОБРАЩЕНИЕ К СЪЕЗДУ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

От всего сердца приветствую представителей Христианско-демократического союза Германии, собравшихся на этот исторический съезд с целью найти путь к мирному объединению Германии и сделать её равноправным членом мирной семьи народов Европы и всего мира!

Я глубоко благодарен за приглашение и очень сожалею, что, занятый другой неотложной работой, не могу присутствовать при обсуждении вопросов, имеющих столь важное значение для германского народа, и при разработке решений, сила которых должна разрушить искусственное средостение, разделяющее на два враждебных лагеря эту славную и духовно богатую нацию.

Для поддержки решений, вдохновленных христианскими упованиями, я имею долг передать участникам съезда благословение Русской Православной Церкви на предстоящие труды вместе с горячими пожеланиями успеха в борьбе с попытками организации так называемого «европейского оборонительного сообщества» и со злом милитаризма, ведущего к новым войнам.

Для христианского сознания, объединяющего верующих во Христа независимо от расстояний и национальных различий, очевидна агрессивная сущность замкнутого союза нескольких стран, противопоставляемого другим странам, ибо это противопоставление означает войну. А народы так же, как и все люди, призваны Богом не к вражде, а к любви и должны помогать друг другу вместо того, чтобы обманывать, обворовывать и оскорблять слабейших.

Очевидна для нас и опасность раскола страны, западная половина которой утверждается своими правителями в политике вражды и нетерпимости по отношению к восточной половине. Что могут сказать по этому поводу христиане обеих частей Германии? Они несомненно обратятся к Священному Писанию, в котором сказано: «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец» (1 Иоан. 4, 20). Не довольно ли этой истины для того, чтобы христиане Германии поняли свою ответственность за единство своего народа.

Не менее очевиден для всех и антихристианский дух милитаризма, усиленно возрождаемого в Западной Германии. Свидетельствуя о ложном понимании Божественного указания людям «обладать землею» (Быт. 1, 28), он готовит страшное возмездие тем, кто намеревается злоупотребить могуществом современной военной техники.

Обсуждая насилие, христиане не могут мириться с ним ни в расколе Германии, ни в возрождении вермахта, ни в унижении достоинства германского народа. Но, способствуя его мирному объединению, они должны требовать, чтобы страны-победительницы вступили с Германией в мирные отношения в духе равноправия и взаимного уважения. Иного выхода наше христианское сознание подсказать не может, ибо Христос

и Его апостолы стояли за равноправие народов, за человеческое достоинство рабов, женщин и детей.

В этот ответственный момент, когда часть людей может склониться к ужасному преступлению, съезд Христианско-демократического союза Германии должен последовать духу христианского реализма, который требует восстановить доверие и взаимопонимание между немцами обеих частей страны и призвать их к активной борьбе за единую, независимую и миролюбивую Германию во имя её процветания и установления безопасности в Европе.

Высказывая эти пожелания участникам съезда, я глубоко уверен в том, что их решения, направляемые сознанием христианской ответственности, послужат не только мирному воссоединению Германии, но и укреплению мира во всем мире.

Да благословит Христос Спаситель, Надежда мира, труды съезда Христианско-демократического союза Германии во благо германского народа и всего человечества!

Митрополит Николай

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЕЕ УЧАСТИЕ В БОРЬБЕ ЗА МИР

I

Десятилетие, прошедшее с момента возобновления патриаршества в 1943 году, — достаточный повод для обозрения патриотической деятельности и участия в борьбе за мир Русской Православной Церкви, хотя то и другое ее служение не может быть измерено указанным десятилетием. И патриотизм и служение делу мира составляют неотъемлемые свойства нашей церковной жизни на протяжении всей ее истории.

Но в данный период времени патриотизм Русской Церкви проявился в новых условиях отделения от Государства, а ее участие в защите мира оказалось не только важным элементом нашего национального движения против войны, но и получило значение общехристианского, все-ленского дела. Поэтому раскрыть этот церковный опыт — значило бы, прежде всего, показать пример отношения Церкви к своему отечеству и затем дать христианское решение вопроса о войне и мире.

II

Положение нашей Церкви в предвоенные годы трудно выразить в краткой характеристике. Это было время местоблюстительства Митрополита Сергия, время его мужественного противостояния обновленческому и заграничному расколам, время борьбы за церковное единство. Успехами этой борьбы постепенно создавались условия для приведения в норму отношений между Церковью и Государством, но полной ясности в этих отношениях еще не было. С трудом налаживались связи с заграничными приходами и епархиями, сохранившими верность Матери-Церкви. Не было необходимой полноты и в междуцерковных отношениях.

Словом, Русская Православная Церковь была далека от внутреннего устройства в то время, когда наша страна подверглась внезапному нападению гитлеровских полчищ. Этот бедственный момент сразу же выявил подлинное отношение нашей Церкви к своей гражданской родине. Собственные болезни и неурядицы были на время забыты, и в

первый же день войны Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей обратился к православному духовенству и пастве с историческим посланием, ясно определившим позицию Церкви: «Православная Церковь,— говорило в нем,— всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания неслла и утешалась его успехами. Не оставит она своего народа и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг»¹.

Это послание вызвало в верующем народе огромное воодушевление, и вся нравственная мощь Русской Православной Церкви в одно мгновение оказалась направленной к спасению и благу Родины. Навязанная нашему народу война стала для православных людей священной войной, и никакие временные успехи фашистских захватчиков не смогли уже ослабить общей уверенности в победе.

Воодушевляя православных людей этой уверенностью, Митрополит Ленинградский Алексей указывал на непреложный закон, что неправедно взявший меч от меча и погибнет. В его посланиях к духовенству и пастве убедительно раскрывалось христианское отношение к войне, которая «есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жаждой грабительства и порабощения... Но война — священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, отечества...»²

Так с самого начала войны наша Русская Православная Церковь оказалась источником живых патриотических чувств и настроений. Разделяя с народом горькую чашу страданий, она противопоставила врагу силу не ослабевающей ни на один день молитвы и свою повседневную заботу о скорбящих и страждущих, о поддержании бодрости и веры в победу, о единстве православной семьи.

Когда в октябре 1941 года над Москвой нависла угроза фашистского наступления, Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей ободрил свою московскую паству посланием, в котором напомнил, что русскому народу не в первый раз приходится принимать огненное крещение для спасения родной земли, что с «Божией помощью и в эту годину испытаний наш народ сумеет попрежнему постоять за себя и рано или поздно, но прогонит прочь наседающего чужанина»³. Ограждая этой надеждой верующих русских людей от малодушия, Патриарший Местоблюститель звал каждого бодро стоять на своем посту, содействовать обороне отечества нашего и ревниво хранить драгоценные заветы нашей святой православной веры.

И призывы Церкви не остались напрасными. Уже на пятом месяце войны Митрополит Сергей, находясь в Ульяновске, обратился к верующим с новым посланием о близости часа победы. Он писал: «Отраднo сознать, что семя, брошенное Московской Патриархией, дает богатые всходы. Совсем недавно мы обращались к пастве, пробуждая патриотические чувства, а теперь патриотизм поднялся грозной волной для врага, и уже близок час, когда она смоет с лица земли коричневую нечисть. Отраднo, что прихожане многих храмов организуют сбор средств на укрепление обороны нашей Родины»⁴.

¹ Сборник церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Послание Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Московского и Коломенского Сергея от 22 июня 1941 г., стр. 3—5.

² Сборник церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Обращение к верующим Митрополита Ленинградского Алексея от 26 июля 1941 г., стр. 51—54.

³ Там же. Послание Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергея от 1/14 октября 1941 г., стр. 6—7.

⁴ Сборник церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Послание Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергея от 11/24 ноября 1941 г., стр. 8—10.

Действительно, с развитием военных событий патриотический подъем среди духовенства и верующего народа стал выражаться в значительных пожертвованиях на нужды войны. Во всех храмах начались систематические сборы денежных средств и вещей, поступавших в распоряжение государства. К первой годовщине войны, например, московские церкви собрали на подарки для армии более трех миллионов рублей, кроме теплых вещей. А нижегородская церковная община, не посрамив памяти Козьмы Минина, предоставила более миллиона рублей на подарки и до ста тысяч рублей на теплые вещи. Списки щедрых пожертвований непрерывно росли, и в дальнейшем ходе войны эта форма патриотической деятельности нашей Церкви приобрела широкие масштабы.

Но с начала 1942 года перед Церковью встала и другая задача: поддержать дух православных людей, оказавшихся на временно оккупированной врагом территории. Нужно было напоминать им о том, чтобы они, находясь в плену у врага, не забывали о своем национальном достоинстве и сохраняли верность Церкви и Родине. «Да бежит далеко от нас всякая искуссительная надежда,— наставлял свою пленную паству Митрополит Сергей,— купить себе благополучие путем измены Церкви и Родине или хотя бы путем малодушного прислуживания перед врагом к унижению Родины и самих себя»⁵.

Этими напоминаниями наша Церковь оказывала огромную нравственную поддержку своей пастве, оказавшейся в плену, и воодушевляла ее на сопротивление врагам, в тылу которых успешно действовали партизанские отряды. Православные люди призывались помогать им и твердо стоять против врага, «мужественно и непоколебимо сохраняя веру и верность».

Но те же призывы Церкви являлись осуждением для малодушных и прямых изменников Церкви и Родины. Среди них оказался епископ Владимир-Волынский Поликарп Сикорский, объявивший себя главой Православной Церкви в оккупированных тогда областях Украины. По поводу его разрыва с Матерью-Церковью, вызванного политическими целями, Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей дважды⁶ обращался к православной пастве Украины с призывом не входить ни в какое общение с нарушителем церковных канонов, которого Собор епископов запретил в священнослужении. О том же писал в своем послании к украинской пастве Митрополит Киевский и Галицкий Николай, тогдашний Экзарх Украины⁷.

Полгода спустя, Патриарший Местоблюститель должен был осудить изменническую деятельность митрополита Литовского Сергея Воскресенского, который, вместе с другими прибалтийскими архиереями, посылал приветственную телеграмму Гитлеру. Предполагая, что такое поведение пленных архиереев явилось следствием фашистских методов воздействия, возглавитель Русской Православной Церкви писал пастве по этому поводу, что всякий русский, не желающий изменять своей нации и ее историческим заветам и целям, не пойдет с врагами Советов, потому что Советы возглавляют наше русское национальное государство и борются за его мировое и международное значение⁸.

Это убеждение Первосвященителя Русской Церкви запечатлевалось в сознании русских православных людей, укрепляя их патриотические чувства и надежду на скорый и окончательный разгром врага. «С нами

⁵ Сборник церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Послание от января 1942 г., стр. 12—13.

⁶ Сборник церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Послание Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергея от 5 февраля и 28 марта 1942 г., стр. 13—17.

⁷ Там же. Послание Митрополита Киевского и Галицкого Николая от 28 марта 1942 г., стр. 66—69.

⁸ Там же. Послание Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергея от 22 сентября 1942 г., стр. 32—34.

Бог! Разумейте языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!» — писал Блаженнейший Сергей в Рождественском послании 1942 года. Раскрывая смысл этой победной песни из опыта нашей истории, он в сильных выражениях изображал эту войну, как всенародный подвиг — подвиг доблести, верности и жертвы, исполненной веры в конечную победу, той веры, которая коренится в сознании правоты нашего дела: «не мы начали войну; нас вынудили взяться за оружие, чтобы защитить Родину...»

В это время наша доблестная армия уже гнала врагов с лица родной земли, и неумолкавшее слово Церкви продолжало вселять в сердца твердую уверенность в близкой победе. «Лук сильных изнеможе, а немощствующие препоясашася силою» (1 Цар. 2, 4), — говорилось в послании Местоблюстителя⁹. «Бодрствуйте, будьте мужественны, тверды» (1 Кор. 16, 13), — повторял слова апостола Павла Митрополит Киевский и Галицкий Николай в своем послании к украинской пастве. — Еще недолго терпеть вам муки от вонзившихся в тело ваше зубов хищника. Мы знаем непреложное слово Божие о таких насильниках: «У Меня отмщение и воздаяние; близок день погибели их; скоро наступит уготованное для них» (Втор. 32, 35)¹⁰.

Успехи на фронте вызвали в народе соревнование по сбору пожертвований на дело решающей битвы с фашистскими захватчиками, на дело скорейшего окончания войны. В эти дни всенародного патриотического подъема Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей призвал верующих повторить пример Преподобного Сергия Радонежского, пославшего на Куликовскую битву двух иноков-богатырей, и от лица Русской Православной Церкви послать нашей армии на предстоящий решающий бой, вместе с нашими молитвами и благословением, вещественное показание нашего участия в общем подвиге: танковую колонну имени Дмитрия Донского, сооруженную на церковные пожертвования¹¹.

Второй в близкую победу одушевлял свою паству и Митрополит Ленинградский Алексей. Оставаясь в осажденном городе, он делил с его населением все трудности длительной блокады, совершал богослужения и поддерживал дух православных горожан своими проповедями. В дни наибольших трудностей верующие ленинградцы приобщались к бодрому и уверенному настроению посланий своего архипастыря и следовали его призывам хранить бодрость духа, усугублять его сознанием нашей правоты и «нести до конца подлинно всенародный подвиг стояния за наше родное отечество в ожидании того счастливого дня, когда Господь, услышав глас моления нашего, «сотворит с нами знамение во благо и возвеселит сердце наше» победою над врагом, победою окончательно, которая явится залогом прочного мира между народами и всеобщего преуспеяния во славу Божию»¹².

Поддерживая дух верующего народа в борьбе с врагом, наша Церковь не оставляла без своего материнского попечения и находящихся в плену и освобождаемых из плена православных людей. Первых она призывала всеми мерами помогать партизанскому движению во вражеском тылу, а вторым указывала на необходимость восстановления нашей страны. «Испытав на опыте, что несет вам с собой фашистское нашествие, — писал освобожденным ростовчанам Патриарший Местоблюститель, — вы не можете желать его повторения, а потому должны... восстановить свое духовное единство с великим русским народом и с его первосвятынею Православною Патриаршей Церковью. В этом единстве

⁹ Сборник церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Послание от 25 декабря 1942 г., стр. 37—38.

¹⁰ Там же. Послание от 20 декабря 1942 г., стр. 72—74.

¹¹ Сборник церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Послание от 30 декабря 1942 г., стр. 41—42.

¹² Там же. Послание к ленинградской пастве, март 1942 г., стр. 55—58.

залог изгнания врагов из пределов нашей страны и восстановления в ней прежней красоты и довольствия»¹³.

Во всех сложных обстоятельствах великой войны Русская Православная Церковь не переставала служить укреплению морального единства нашего народа, без которого победа была бы немыслимой. Когда в апреле 1943 года фашисты, перебросив свои войска с европейских фронтов на наш фронт, снова пытались наступать, Митрополит Сергей спокойно и твердо заповедал своей пастве непоколебимо верить в грядущую победу. Ко дню двухлетия войны он поднял дух верующих новым призывом усилить молитвенную и материальную помощь Красной Армии. В то же время Церковь не оставляла своих забот о церковном единстве своей паствы, немедленно посылая епископов в освобождаемые от врага области. А церковное единство верующих служило укреплению морального единства всего нашего народа.

В своей патриотической деятельности наша Церковь не ограничивалась пределами своей страны: она стремилась установить и укрепить братские связи с православными народами западных стран, страдавшими под игом Гитлера. С этой целью Митрополит Сергей и Митрополит Николай в ноябре и декабре 1942 года обращались от лица Русской Церкви к православным румынам, призывая их отказаться от подневольного союза с Гитлером¹⁴. Перед Пасхой 1943 года Патриарший Местоблюститель с подобным же призывом обратился ко всем христианам в Югославии, Чехословакии, Греции и прочих странах¹⁵. А в день двухлетия войны последовало обращение к братьям-славянам. Митрополит Николай писал им о приближении часа великих событий на фронтах войны, о предстоящих решающих боях и призывал содействовать победному разгрому общего врага¹⁶. Эти призывы Русской Церкви не остались без ответа, и православный мир стал постепенно объединяться в борьбе против фашизма.

Так помогала народу и Государству наша Церковь в борьбе с общим внешним врагом, напавшим на нашу землю. Эта помощь Церкви состояла в духовном руководстве верующими, в молитвах и патриотической деятельности. Эта помощь усиливала собою нравственные условия победы, условия «гораздо более возвышенные, можно сказать, даже более действенные, чем численность и сила орудий современного боя. Они, эти нравственные условия, владеют и победоносным воинством, которому нужно воодушевление,... нужна готовность перенести все и всякие жертвы, лишения, раны и самую смерть; они, эти нравственные условия, нужны и для народа,... который до войны породил и воспитал армию и во время войны питает ее духовно. Такими нравственными условиями успеха воинского оружия являются: твердая вера в Бога, благословляющего справедливую брань; религиозный подъем духа; сознание правды ведомой войны; сознание долга перед Богом и родиной...»

Так говорил Митрополит Ленинградский Алексей в своем докладе на Соборе епископов Русской Церкви, который 8 сентября 1943 года избрал Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергея Патриархом Московским и всея Руси. Этот же Собор осудил изменников вере и отечеству и подал свой голос в защиту общехристианских идеалов, попираемых фашизмом, «за свободу, счастье и культуру всего человечества». Выражая идею великого братства народов, этот замечательный призыв до сих пор сохраняет свое значение в той борьбе, которую Русская Православная Церковь ведет в защиту мира.

¹³ Сборник церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Послание от 20 марта 1943 г., стр. 43—45.

¹⁴ Сборник церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Послание от 22 ноября 1942 г., стр. 77—79.

¹⁵ Там же. Послание от 23 апреля 1943 г., стр. 83—86.

¹⁶ Там же. Послание от 22 июня 1943 г., стр. 87—89.

Избрание Патриарха благотворно отразилось на положении и благоустройстве нашей Церкви: ее собирательная деятельность усилилась, обновленческий раскол пошел на убыль, церковная жизнь стала укрепляться.

Это событие отозвалось огромным удовлетворением во всех уголках христианского мира, не говоря уже о поместных православных церквях, с которыми у нас стали восстанавливаться более тесные связи.

Более глубокий смысл получила и патриотическая деятельность нашей Церкви, весьма важная для морально-политического единства страны, боровшейся с внешним врагом. Православные люди с новым одушевлением внимали молитвам, утешениям и призывам своего Патриарха, проникались верой в близкую победу и удесятиляли свои труды на благо Родины.

В это время советские войска, освобождая разоренные города и селения, продолжали гнать противника на запад. Для всех было ясно, что фашистов ожидает окончательное поражение. Поэтому приблизить, ускорить его стало главной целью нашей армии и нашего народа.

Церковь, ставшая на путь внутреннего устройства, продолжала оказывать свою мощь делу освобождения Родины от врага, делу окончательной победы. Это была, главным образом, нравственная помощь и потому особенно действенная. «Едиными усты и единым сердцем» православные люди возносили свои молитвы Всевышнему о даровании победы. Ратные и трудовые подвиги, людские страдания и даже самая смерть получали в Церкви высшее оправдание. Церковь радовалась вместе с освобожденными от вражеской оккупации и призывала к надежде еще находившихся во власти врага.

Не прерывалась и материальная помощь Церкви. В марте 1944 года Митрополит Николай передал Красной Армии танковую колонну имени Димитрия Донского, построенную на пожертвования церковных людей. Сама по себе она, конечно, не могла прибавить много силы нашей армии, но и два инок, посланные Преподобным Сергием на Куликовскую битву, не могли решить ее исхода своим участием. Зато они принесли русскому войску благословение Церкви на святое дело спасения Руси. Точно так же и танковая колонна явилась благословением Церкви на разгром противников Креста Христова, как назвал фашистов Архиерейский Собор 1943 года.

Многое сделала наша Церковь и в смысле идеологической помощи фронту. Еще Патриарх Сергей положил начало церковному разоблачению фашистской идеологии и, со свойственной ему духовной зоркостью, определил ее, как антихристианскую идеологию. Из архиерейских посланий и проповедей духовенства православные люди узнавали о тесной связи между теорией фашизма и его стремлением к мировому господству. Жестокости фашистов с их практикой массового уничтожения людей служили тому наглядным доказательством.

В том же направлении велась работа на страницах «Журнала Московской Патриархии». В нем из номера в номер печатались послания, проповеди, статьи и заметки, в которых героизм нашего народа, его жертвенный подвиг противопоставлялись вероломству фашизма и его нарушениям христианской и международной морали. Нравственная оценка фашистских злодеяний будила мысль о темном источнике фашистской политики и превращалась в грозный приговор истории, обличающий перед всем миром антихристианскую сущность фашизма.

Незадолго до третьей годовщины войны скончался Патриарх Сергей¹⁷, но его патриотические заветы продолжали одушевлять архиереи

¹⁷ Святейший Патриарх Сергей скончался 15 мая 1944 г.

стырей, пастырей и мирян. Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей, ставший Патриаршим Местоблюстителем, призвал верующих усилить молитвы о победе над врагом и материальную помощь на нужды войны. В предвидении скорого окончания войны был открыт всецерковный сбор пожертвований в фонд помощи детям и семьям воинов Красной Армии. Православные люди нашей страны призывались к бодрости душевной и непоколебимой вере в торжество правды, в победу нашего правого дела.

Нельзя забывать, что при нападении на нашу землю враг думал внести разлад в единство населявших ее народов, вызвать недовольство советской властью; они надеялись и Церковь нашу противопоставить Советскому государству, но оказались посрамленными в своих ожиданиях: перед лицом опасности народы Советского Союза сплотились между собою еще крепче, а Русская Православная Церковь соединила свою судьбу с судьбой паствы на жизнь и на смерть. Помогая стране и народу достигнуть победы над врагом, наша Церковь действовала «не в надежде на выгоду», «не из лукавого расчета, что победа обеспечена за нашей страной, а во исполнение своего долга, как мать, видящая смысл жизни в спасении ее детей»¹⁸.

С этим смыслом неразрывно связана вся патриотическая деятельность Русской Православной Церкви. Всегда молящаяся об избавлении от меча, как от бедствия, она благословила войну в защиту отечества, потому что оно подверглось нападению фашистской Германии. Защищаясь, надо было восстановить поруганные права нашего народа, отстоять его материальное и духовное достоинство, добиться победы. Иначе как бы могла восторжествовать справедливость?! И наша Церковь, вместе с народом, стала бороться за победу правого дела, за торжество справедливости, которая должна была дать народам и справедливый мир.

А. Ведерников

(Окончание следует)

¹⁸ «Правда о религии в России», изд. Московской Патриархии, стр. 12.

с. 35

„ДА ВСИ ЕДИНО БУДУТ“

Церковь едина, как единое Тело Христово, имеющее Единого Главу Господа Иисуса Христа. Возрождаясь во святом крещении, преодолевая разделение, внесенное в человеческую природу грехом, христиане во святом причастии соединяются со своим Спасителем и входят в духовное единство друг с другом по образу Святой Троицы, во исполнение первосвященнической молитвы Христовой: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Иоан. 17, 21).

Однако в земных условиях это существенное единство христиан не всегда проявляется внешним, видимым образом. Уже пространственное разъединение, усугубляемое национальными и политическими различиями, вносит разделение в церковную семью. В результате Церковь Христова представляется в виде отдельных поместных автокефальных церквей. Но такого рода разъединение, вызываемое несовершенством земных условий существования, часто усугубляется человеческой греховностью, и тогда это разъединение поместных церквей осложняется их взаимным отчуждением, недоверчивостью и даже враждебностью. Преодоление этих преград в духе мира и любви, пробуждение сознания нужды друг в друге, стремление к взаимному общению в молитве и соблюдению единства веры и канонического строя — такова достойная деятельность архипастырей и в особенности предстоятелей поместных церквей, борющихся с греховным разделением и создающих, в соответствии с внутренним единством Церкви, и внешнее ее единство.

Отношения Русской Православной Церкви к своим сестрам-церквам всегда основывались на этом святом чувстве единства Православной Церкви. Связанная с православными поместными церквами Востока единством вероучения, Русская Православная Церковь вложила много усилий в общее дело Кафолической Православной Церкви. Обратимся к фактам.

«Если извлечь из церковных и гражданских актов Государственного архива в Москве все то, что относится до наших духовных и политических сношений с Востоком со времени падения Цареграда, то здесь откроется обширное поле для любознательности православных, — пишет А. Н. Муравьев в предисловии к своему труду: «Сношение России с Востоком по делам церковным». — «Сыны Церкви Российской, которая заимствовала духовное просвещение из лона Греческой, с утешением увидят, что они уже отчасти заплатили сыновний долг страждущей своей Матери на Востоке. По неисповедимым путям Божиим, мы освободились от духовного ига неверных в ту самую эпоху, когда греки подпали столь же тяжкому игу, и, конечно, не без тайного Промысла произошло такое событие...; в свое время суждено было Греческой Церкви утешать и под-

креплять Церковь Российскую в годину ее бедствий, и, в свою очередь, священная сия обязанность перешла к отечественной нашей Церкви, дабы, таким образом, по слову апостольскому, нося взаимно тяготы одна другой, исполнить тем закон Христов (Галат. 6, 2) и засвидетельствовать перед лицом вселенной взаимную, неразрывную связь»¹.

Терпящий бедствия Восток всегда встречал участие в Русской Православной Церкви, которое выражалось не только в сердечных сочувствиях, но и в щедрой материальной помощи. «Пограничные воеводы, — пишет А. Н. Муравьев, — беспрестанно извещали Москву о прибытии с Востока на границу «духовных властей», которые просили дозволения о пропуске; всем разрешался въезд, все принимаемы были с честью и отпускались с дарами».

«Сколько новых церквей и древних монастырей соорудилось в течение сего времени милостыней русскою во всех пределах Турецкой империи, в Сирии и Египте! Многие из них уже теперь не существуют, и память их сохранилась только в наших государственных актах»².

От подобных сердечных сношений произошла та неразрывная наша связь с Востоком, которую неоднократно и тщетно усиливались расторгнуть своими кознями враги Православия. Слишком глубоко запала в сердце единоверного нам грека, славянина и араба память вековых благоденствий наших.

Цитируемый нами автор подчеркивает, что помощь шла от сердца, от горячей братской любви, от сознания духовного единства; «страдает ли один член, страдают с ним все члены» (1 Кор. 12, 26). Когда для защиты единоверного нам Востока потребовалось пролить кровь, русский народ не задумался над этой жертвой. «Больши сея любви никтоже имать, — сказал Господь, — да кто душу свою положит за други своя» (Иоан. 15, 13).

Были и на Руси периоды испытаний. «В печальную годину самозванцев и нашествия ляхов четыре восточные патриарха собрались для совещания между собой, во Святый град, над Святым Гробом, и от сего основного камня нашего спасения послали в Россию Патриарха Иерусалимского Феофана для утверждения колебавшегося у нас Православия. Свято исполнил он возложенную на него обязанность, утвердив не только патриаршую кафедру Великой России, но и митрополию Малой России, совершенно лишенную святителей».

Эту картину взаимных отношений поместных православных церквей можно было бы значительно пополнить, но и приведенный материал достаточно характеризует тесные отношения между поместными церквами, соучастие их единым сердцем в злострадании отдельных членов, «усовершение» в любви, то святое единство, которое, не взирая на территориальное расстояние, присуще всем членам Единой Церкви Христовой.

Эти исконные взаимные отношения православных поместных церквей не всегда, однако, были идеальны. История знает некоторые, хотя и весьма немногочисленные периоды, когда единство церквей-сестер подвергалось испытаниям. Укажем на Флорентийскую унию, повергшую в смятение Константинопольскую Церковь и омрачившую отношения между нею и прочими православными поместными церквами, пока последствия унии не были ликвидированы.

А в недалеком прошлом некоторые факторы, возникшие в связи с чрезвычайными историческими условиями, в которых оказалась Рус-

¹ А. Н. Муравьев, Сношения России с Востоком по делам церковным, стр. V—VI.

² Цит. соч., стр. VII—VIII.

ская Православная Церковь, повлекли за собою разногласия и непонимание между церквями-сестрами. Многие из всего этого уже отпало, хотя отдельные моменты, например, вопросы, касающиеся взаимоотношений Русской Православной Церкви с Церковью Константинопольской, еще до сих пор не урегулированы.

Но самое важное — церковное единение — восстановлено. И значительная доля усилий, приложенных в этой области, принадлежит Русской Православной Церкви.

Начало двадцатых годов текущего столетия было для Русской Православной Церкви периодом переустройства ее управления и бытия в новых политических и социальных условиях. В этот период из тела церковного выделился ряд чуждых группировок, начиная от обновленчества различных толков и кончая раскольническими эмигрантскими группами, которые по политическим соображениям отпали от единства со своей Матерью Русской Православной Церковью. Возникновение подобных факторов породило предубежденное отношение Православного Востока к Русской Православной Церкви. Предубеждение в значительной степени усиливалось еще вследствие неправильной информации о положении Русской Церкви, которую распространяли упомянутые эмигрантские группы.

Неверное и пристрастное информирование церковей Востока со стороны русской эмиграции породило то, что предстоятели некоторых поместных церковей готовы были не считаться со своей Сестрой-Церковью и в общении с ней часто нарушали ее каноническую неприкосновенность. Имели место, например, такие факты, как принятие Константинопольским Патриархом в свою юрисдикцию митрополита Евлогия, с подчиненными ему западно-европейскими приходами, самовольно ушедшего от своей Церкви-Матери; приглашение в 1932 году Русской Православной Церкви на Предсоборное Собрание (Просинод) на условиях неорганизованной церковной массы, не имеющей якобы канонического возглавления³; сепаратные действия некоторых патриархов (Константинопольского и Александрийского) в деле признания англиканской иерархии без привлечения к обсуждению этого вопроса прочих православных церковей, в том числе и Русской. Имеются и другие нарушения ее канонической неприкосновенности.

Русская Православная Церковь, никогда не мыслившая своего существования вне единства со своими сестрами-церквями, должна была употребить немало усилий для того, чтобы отстоять свое каноническое достоинство, разъяснить им свое новое историческое положение, восстановить с ними отношения в духе мира и любви и таким образом сохранить в Православной Церкви святое единство ее частей.

Для укрепления этого единства Русской Православной Церкви необходимо было прежде всего позаботиться о восстановлении духовного единства в собственном доме, укрепить свой канонический строй и собрать своих чад, отколовшихся от своей Церкви-Матери.

Обновленческая и другие раскольнические группировки внутри страны, не имея корней среди верующего народа, постепенно самоликвидировались. Многие из зарубежных епархий и приходов, которые попали в плен идеологии вышеупомянутых эмигрантских групп и отошли от Русской Православной Церкви, возвратились к ней после того, как Московская Патриархия отправила к ним ряд делегаций для разъяснения их незаконного положения. Это возвращение зарубежных церковных группировок в лоно Русской Патриаршей Церкви, любвеобильно открывшей

³ Письмо Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, адресованное представителю Вселенского Патриарха в СССР архимандриту Василию Димопуло, от 12 апреля 1932 г. № 521, «Журнал Московской Патриархии», 1932, № 9—10.

свои материнские объятия всем своим детям, не могло не отзываться глубоко в сердцах и умах всех верующих русских людей.

«...Отказ от Русской Церкви, длившийся долгие годы, болезненно переживали все. Его переживали и те немногие, кто оставался верен эти годы Московской Патриархии, и те, кто силою обстоятельств и сложных причин, от нее временно отошли. О нем матерински скорбела сама наша Русская Церковь. Это чувствовали и сознавали и иерархи, и священники, и масса верующего русского народа, не могущего зачастую разобраться во всех тонкостях канонического положения»⁴, — пишет один из активных деятелей по возвращению в лоно Русской Церкви православных приходов во Франции. «Сослужение Митрополита Николая, Евлогия и Серафима... с сонмом духовенства ознаменовало конец расколов, раздирающих русское церковное зарубежье», — радостно отмечает он; «...шлем вам выражение нашей искренней духовной радости и торжества по поводу возвращения нашего в лоно Матери-Церкви», — писало воссоединенное православное духовенство Берлина Святейшему Патриарху Алексию. — «Сим свидетельствуем, что отвергаем карловацкую ориентацию, как раздирающую нешвенный хитон Христов. Молим Милостивого Господа, да послужит сие объединение во славу родной Православной Церкви и русского народа»⁵.

Так были отторгнуты из раскола и возвращены в лоно Русской Православной Церкви многие зарубежные приходы. На основе их был учрежден ряд экзархатов Московской Патриархии: в Западной Европе, в Северной Америке, в Восточной Азии. В 1945 году прекращена была так называемая Эстонская схизма. К своей Матери Русской Православной Церкви потянулись и западноукраинские греко-униаты, в течение 350 лет находившиеся вне ее материнского окормления. В 1946 году и они были приняты в единство с нею.

Так, в основном, были водворены мир и единство в пределах самой Русской Православной Церкви.

Возобновляя указанные ей канонами границы и восходя к своей полноте, Русская Православная Церковь одновременно помнила свой долг пребывать в единении и любви с прочими сестрами-церквями, хранить и защищать вкупе с ними чистоту Православия. Ввиду указанных выше нарушений со стороны некоторых церквей Востока, Русская Православная Церковь на протяжении всего периода своего внутреннего переустройства не переставала заботиться об общецерковном единстве; она убеждала и просила предстоятелей поместных церквей, главным образом Константинопольской, не посягать на святое единение церквей ошибочными действиями, основанными, как указывал Митрополит Сергей Константинопольскому Патриарху в своем письме от 12 апреля 1932 года, на «поверхностном знакомстве с условиями нашей церковной жизни и вообще с нашими внутренними церковными отношениями»⁶.

Так, в постановлении Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и временного при нем Патриаршего Священного Синода по делу митрополита Евлогия от 30 апреля 1931 года, в связи с принятием последнего Константинопольским Патриархом в свою юрисдикцию, содержится увещание Матери Русской Церкви к своим отколовшимся чадам: «Митрополиту Евлогию и к последовавшим ему архиереям и священнослужителям... не ставить Московскую Патриархию как бы в конфликт с Церковью Константинопольской, к искренней скорби всех нас, чад Церкви, и к радости ее врагов». «Мы привыкли смотреть на Константинопольскую

⁴ «Журнал Московской Патриархии», 1946, № 2, стр. 8.

⁵ «Журнал Московской Патриархии», 1945, № 12, стр. 7—8.

⁶ Письмо Заместителя Патриаршего Местоблюстителя представителю Вселенского Патриарха в СССР архимандриту Василию Димопуло от 12 апреля 1932 г., «Журнал Московской Патриархии», 1932, № 9—10.

Патриархию,— писал Митрополит Сергей Константинопольскому Патриарху Фотию II,— как на авторитетную хранительницу заветов Православия и блюстительницу, в частности, апостольских и соборных канонов. Между тем в деле митрополита Евлогия замечается совершенно обратное... Я и состоящий при мне Синод надеемся,— писал он в заключение своего послания,— что общепризнанная Ваша мудрость и преданность заветам Православия помогут Вам найти должный выход из создавшегося для всех нас болезненного положения, путем отказа от принятия митрополита Евлогия. Этот выход предотвратил бы колебание в сознании верующих доселе незыблемого канонического авторитета Вселенской Патриархии и митрополита Евлогия возвратил бы на правильный путь».

В этих кратких выдержках ясно чувствуется боль за раздираемый хитон Христов и братская просьба к Сестре-Церкви не посягать своими односторонними и неправильными действиями на общецерковное сокровище — канонический строй, что повлекло бы за собой нарушение единства Церкви.

Когда Константинопольская и Александрийская церкви приняли решения о признании англиканской иерархии, Митрополит Сергей в своем ответе Константинопольскому Патриарху от 30 сентября 1931 года на приглашение к участию в Лондонской догматической комиссии и в Просиноде писал: «Догматическая комиссия, как нам известно, является далеко не первым, а скорее одним из последних, если не прямо завершительным шагом Вселенской Патриархии по пути к соединению с Англиканской Церковью... Вселенской Патриархией (как и некоторыми другими автокефальными православными церквями) в целях того же соединения приняты весьма важные решения. Нам известно, например, о признании англиканской иерархии. Между тем Русская Православная Церковь не только не приглашалась высказывать свое мнение..., но не была своевременно и в надлежащей полноте осведомлена о принятых уже решениях... не забудем, что вопрос этот имеет не местный интерес, что он затрагивает самую нашу веру, наше общецерковное достоинство, вверенное единству всех православных автокефальных церквей, а не некоторых из них...»

Аналогичную позицию заняла Русская Православная Церковь и в связи с приглашением ее Константинопольской Патриархией представлять в Просиноде (Предсоборном Совещании), имевшем собраться в 1932 году на Афоне, и по поводу постановки так называемого русского вопроса на Просиноде. И в этих вопросах, защищая канонические права Русской Церкви на равноправное представительство в соборных совещаниях и равноправные условия в области постановки, обсуждения и решения вопросов, касающихся как общецерковных дел, так и дел каждой поместной церкви, Русская Православная Церковь исходила из своей принципиальной позиции: сохранения единства церковного, церковного мира; она отстраняла все то, что «может болезненно отразиться как на отношениях Русской Церкви к другим поместным церквям-сестрам, так и на взаимных их отношениях между собою»⁷.

Если мы обратимся к деятельности ныне здравствующего преемника Патриарха Сергея — Патриарха Алексия, то найдем все ту же общецерковную заботу: в первую очередь устранить разногласия, и все то, что «омрачает ныне взаимоотношения поместных церквей, а, следовательно, в известной степени, нарушает их единство». В 1952 году Святейшим Патриархом Алексием получено было от Константинопольского Патриарха Афинагора послание по вопросу о подготовке поместных церквей к

⁷ См. письмо Заместителю Патриаршего Местоблюстителя представителю Вселенского Патриарха в СССР архимандриту Василию Димопуло — «Журнал Московской Патриархии» 1932, № 9—10.

созыву Предсоборного Соевещения. Признавая, что для Православной Церкви вполне назрела необходимость в соборном обсуждении ряда насущных вопросов современной церковной жизни, Святейший Патриарх Алексий напоминает Святейшему Афинагору «о печальном наличии доселе неулаженных моментов во взаимоотношениях между некоторыми поместными церквами, в числе их и между нашими двумя церквами...»⁸. Перечисляя эти моменты, к которым относятся: непризнание дарованных Русской Православной Церковью автокефалий церквам Польши и Чехословакии, удержание Константинополем в своей юрисдикции и Финляндской Православной Церкви, неканоническое отношение Константинопольской Патриархии к русским раскольникам, к так называемым «Северо-Американской митрополии» и «Западноевропейскому православному русскому экзархату», с которыми Константинопольская Патриархия состоит в молитвенном и каноническом общении, и проч., Святейший Патриарх Алексий рассматривает все это как такие факторы, которые могут затруднять соборное суждение сестер-церквей, ибо не может быть подлинного мира и единодушия там, где нарушаются канонические установления, касающиеся междущерковных отношений.

В этой позиции Святейшего Патриарха Алексия, как и в деятельности его предшественника Святейшего Патриарха Сергия, видна одна и та же тенденция, освященная традицией Русской Православной Церкви: стремиться «к умножению путей для более тесного сближения поместных церквей» путем признания и соблюдения канонического отношения к каждой церкви-сестре.

Соблюдение этого правила всегда входило в практику Русской Православной Церкви, и всякое нарушение его пресекалось ею всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Так, Русская Церковь поддержала в 1923 году томос Константинопольского Патриарха, осуждающий самовольное и незаконное провозглашение тогда Албанской Церковью автокефалии, и вступила в общение с этой Церковью только после дарования ей Константинополем в 1938 году желанного самоуправления. С такой же последовательностью Русская Церковь всегда воспринимала и различные административно-судебные акты поместных церквей.

Всеми этими и многими другими действиями, ограждая и защищая единство Церкви, Русская Православная Церковь одновременно проводила и в настоящее время усиленно проводит большую созидательную работу в этой области. Наибольшего расцвета эта сторона деятельности Русской Церкви достигла в патриаршество ныне здравствующего Святейшего Патриарха Алексия.

Делу сближения поместных церквей послужило большое количество заключенных Русской Церковью братских соглашений с поместными церквами. Таковыми были: соглашение с Антиохийской Церковью о предоставлении православным русским людям, проживающим в Бейруте, места для совершения богослужений (1946 г.); соглашение с Румынской Церковью о возвращении русского храма в Бухаресте Московской Патриархии (1947 г.); соглашение с Болгарской Церковью о русских храмах и монастырях в Болгарии; соглашение с предстоятелями Александрийской и Антиохийской церквей об окормлении русских колоний в Александрии и Бейруте; соглашение с Сербской Церковью о передаче в юрисдикцию Русской Церкви епархии Мукачевско-Пряшевской (1945 г.), и многие другие.

К укрепляющим братское общение и единство Церкви фактам следует присоединить регулярную праздничную и повседневную переписку

⁸ «Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Святейшему Архиепископу Константинополя — Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору», «Журнал Московской Патриархии» 1953, № 5.

Русской Церкви с предстоятелями поместных церквей; частые взаимные визиты церковных делегаций в целях ознакомления с внутренней жизнью Церкви или для участия в церковных торжествах; открытие в 1948 году в Москве подворий Антиохийской и Болгарской церквей; братское участие в удовлетворении нужд поместных церквей; постоянный взаимный обмен церковными журналами и другими изданиями.

Единство Церкви предполагает не внешнее только общение поместных церквей, но их внутреннее соприкосновение в законе любви, завещанное Божественным Основателем Церкви. Русская Православная Церковь всегда стремилась последовательно и горячо осуществлять этот принцип и на деле проявлять чувства любви и единения. Но ее активность в этом направлении расценивается иногда, как стремление к преобладанию. Однако при трезвой оценке действий нашей Церкви в них можно усмотреть не искание «своих сил», но лишь исполненную жертвенной любви решимость последовательно осуществлять завет взаимообщения.

Об этом стремлении Русской Православной Церкви к сближению с сестрами-церквями говорят многие шаги, предпринятые ею при Святейшем Патриархе Сергии и Святейшем Патриархе Алексии. В служении первого из них ясно усматривается забота о восстановлении мира и единства церковного; отсюда братские указания предстоятелям церквей на опасность некоторых шагов и решений, сердечная просьба — не разрывать хитон Христов. Служение же его преемника, Святейшего Патриарха Алексия, в этой области характеризуется стремлением активизировать процесс сближения сестер-церквей на твердой почве благодатного взаимного общения и соблюдения канонического строя общецерковной жизни.

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1945 года явил всему миру, как сказал председательствовавший на нем Патриарший Местоблюститель Митрополит Алексей, «всю Православную Соборную Апостольскую Церковь», ибо на нем присутствовали представители восьми автокефальных православных церквей, причем четыре церкви: Александрийская, Антиохийская, Русская и Грузинская были представлены своими Главами. Согласие, которое проявили участники Собора в его деяниях, и любовное участие в нужде своей Сестры — Русской Православной Церкви — избрание ее Предстоятеля — явилось демонстрацией единства Вселенского Православия. «Присутствие здесь четырех патриархов, представляющих всю Древнеапостольскую Церковь, особой страницей войдет в историю Православной Церкви и, в частности, в историю Церкви Святой России... Представители Апостольской Церкви Востока материнской любовью окружают православные церкви повсеместно и, в частности, Святейшую Русскую Церковь», — сказал в своем приветствии Собору Патриарх Антиохийский Александр III.

В 1945 году Святейший Патриарх Алексей совершил паломничество в Святую Землю. Впервые в истории Русской Церкви ее Первосвятитель посетил Палестину, освещая этим посещением прекрасную традицию русского паломничества во Святую Землю. Общение двух патриархов — Иерусалимского и Русского — во время этого паломничества проходило в духе взаимной любви; «мы веруем, — сказал Святейший Патриарх Алексей после богослужения в храме Воскресения в Иерусалиме, — что это единение в молитве между нашими церквями будет служить источником благодатного утешения и для вас и для нас. Оно послужит к еще большему укреплению связей между нашими православными церквями». Тогда же Святейший Патриарх Алексей посетил Антиохийский и Александрийский патриархаты, общение с которыми проходило в атмосфере такого же братского единения.

Торжественный юбилей Русской Православной Церкви по поводу 500-летия ее автокефалии праздновался в 1948 году в присутствии представителей всего православного мира. В этом нельзя вновь не усмо-

треть, — как сказал тогда Святейший Патриарх Алексий, — «благословенных черт единства церквей, составляющих Единую, Соборную и Апостольскую Церковь... Церкви отдаленные, иноплеменные с доверием и надеждою отзываются на взаимные приглашения; молятся вместе, принимают к сердцу взаимные нужды, стремятся подать друг другу руку помощи и участия».

Выступления и приветствия предстоятелей и представителей поместных церквей, совместные богослужения, радость общения по поводу знаменательной даты в жизни своей Сестры-Церкви — все это явилось выражением церковного единства и вместе средством, еще более скрепляющим это единство. В тот момент общение церквей было использовано и для решения некоторых важных вопросов, касавшихся всей Православной Кафолической Церкви. «Как же не воспользоваться нам этим братским общением для того, чтобы соборно обсудить те вопросы, которые одинаково волнуют все наши православные церкви», — сказал Святейший Патриарх Алексий в день открытия юбилейных торжеств. Единство Церкви, само собой предполагает и заботу об общих нуждах церковных, и участники юбилейных торжеств не только обменялись мнениями по вопросам о Ватикане, об англиканской иерархии, экуменическом движении, о церковном календаре, об унификации богослужения и обрядов, но и приняли по этим вопросам ряд важных решений, еще более сплотивших поместные православные церкви. Кроме того, Совещание участников юбилейных торжеств приняло обращение к христианам всего мира, в котором призвало их «к содружеству и сотрудничеству во Христе в деле укрепления мира во всем мире». Служение Русской Православной Церкви делу мира, ее широкая инициатива в этой области охватила почти всю Кафолическую Православную Церковь и создала единомыслие поместных церквей в этом вопросе, волнующем все современное человечество.

Обзор мероприятий Русской Православной Церкви по укреплению единства поместных церквей должен быть дополнен еще одним знаменательным фактом. В декабре 1949 года Святейший Патриарх Алексий направил предстоятелям поместных церквей послание. Вспоминая недавние (1948 года) молитвенные встречи с Главами и Представителями всех прочих братских церквей, когда «видимая земная Православная Церковь почти во всей своей полноте совершала Божественную Евхаристию пред единым Престолом Божиим», Святейший Патриарх отмечает, что эти блаженные моменты оставили после себя «чувство жажды наибольшей полноты церковной». Эта жажда полноты церковной, — продолжает Святейший Патриарх, и — «подвигает нас просить Вашу Святыню поделиться милостью, почивающей на Вашей братской Церкви... прислать нам список имен святых угодников Божиих, изначала и до сего дня просиявших в каждой поместной церкви с указанием чина их подвига, дня их памяти, а также составленного в честь каждого тропаря, чтобы «по их ходатайству Господь взирал на наши моления и чтобы воистину каждодневно возвещалось пред Престолом Божиим это сердечное братское единство».

Свящ. И. Потапов

СВЕТ НЕУГАСИМЫЙ

Какое горе, какая скорбь, как страшно!... Без малого тысячу лет стоял дивный храм, и неисчислимые миллионы богомольцев со всех концов необъятной страны прошли через Святые ворота Лавры Киево-Печерской, чтобы преклонить колени под сводами Великой Успенской церкви. И вот, — нет ее, и пустынна громадная площадь, и все, что ни уцелело на ней, кажется случайным, и уже утратился смысл места, отлетела его

душа... Часть северо-восточной стены, подорванная страшной силой взрыва, стоит косо, тяжким монолитом, как бы устало прислонившись к основе фундамента, уже заросшей кустарниками и бурьяном, сквозь гонимую ветром пыль местами тихо поблескивает густая позолота орнамента, а на остатках другой стены, покрытых глубокими трещинами и грозящих скорым обвалом, в непривычном дневном свете лики святых апостолов из росписи «Сошествие Св. Духа» предстают исполненными великой почали и укора. Небольшая таблица, укрепленная на руинах, кратко гласит: «Взорвано 3 ноября 1941 г. гитлеровцами»...

* * *

Но не омрачился свет великой святости Православия русского. В час утренний и в час вечерний высоко над Днепром прозвучит благовест и широко полетят по склонам горы, садам, привольным водам реки. И как без малого тысячу лет назад, по крутому спуску от Верхней Лавры, по старому булыжнику и выбитым кирпичным тротуарам, выложенным в елочку, благоговейно безмолвные, группами и в одиночку, неторопливо будут шествовать богомольцы, — испросить милостей Господних за долгой истовой монастырской службой, посетить пещеры Ближние и Дальние, приложиться к нетленным мощам подвижников Печерских, заступников крепких за веру Православную и землю Русскую, молитвенников неустанных за мирный, трудолюбивый русский народ...

* * *

Зарождение матери всех бесчисленных монастырей наших, Киево-Печерской обители, восходит к первым временам христианства на Руси. Святой вел. кн. Владимир часть своего детства и отрочества провел в селе Берестове, близ Киева, у своей бабки св. княгини Ольги. Став на великое княжение в Киеве, он не забыл места своих детских игр и первых раздумий. В Берестове выстроил он свой загородный терем «хоромы», и при них — небольшую деревянную же церковь в память святых апостолов Петра и Павла. Настоятелем церкви избрал он скромного, но пользовавшегося исключительным уважением среди народа, иерея Илариона. Склонный к отшельничеству, к молитвенному уединению, берестовский священник часто удалялся на глухой лесистый склон соседней горы и здесь, избегая случайных людских взоров, ископал для себя в земле пещеру. Однако подвижническое усердие Илариона было прервано. В 1051 году по воле клира и народа и по желанию вел. князя Ярослава, собор епископов поставил Илариона митрополитом Киевским, — первым митрополитом из русских, — поставил, не считаясь с согласием или несогласием Константинопольского патриарха, и тем показал, что Русь приняла от властолюбивой Византии только благодать веры, оставаясь во внутрицерковных, как и в государственных делах, вполне самостоятельной.

В описываемые времена на святой Афонской горе подвизался русский монах, уроженец Черниговщины, по имени Антоний. Игумен, от которого принял он пострижение, посоветовал ему вернуться на Русь, где христианство во многих местах еще отвергалось народом, и Антоний покорился желанию духовного своего отца. Прибыв в Киев, прежде чем приступить к просветительной работе, Антоний, чтобы укрепить внутренние свои силы на предстоящее испытание, решил уединиться для молитвенного подвига и поселиться в пещере, ископанной Иларионом. Но благочестивое подвижничество его вскоре стало известно, и известность эта начала при-

влекать к нему усердных в вере людей, из которых одни шли на гору, чтобы получить благословение от афонского старца, другие просили его о разрешении разделить с ним духовную сладость отшельничества. Когда число новых насельников пещеры достигло двенадцати, они пробили землю вглубь и возвели церковь. Катакомбный храм этот и подземные кельи иноков стали впоследствии именоваться Дальними пещерами. Вскоре после устроения храма преподобный Антоний, попрежнему стремясь к уединению, оставил братию, игуменство над нею передал примерному в благочестии иноку Варлааму, а сам удалился в другое место и там ископал себе в земле новую келью. Она положила начало Ближним пещерам. В 1062 году инок Варлаам был назначен игуменом в только что основанный вел. князем Изяславом Ярославичем монастырь св. Димитрия, а на место ушедшего братия согласно избрала ближайшего сподвижника преподобного Антония — преподобного Феодосия.

Родители преподобного Феодосия были местные люди из города Василькова, близ Киева, но с младенцем-сыном переехали на жительство в Курск. Мальчик с ранних лет проявлял молитвенное усердие, тяготел к храму, любил церковные службы. После смерти отца, будучи еще отроком, он обратился к матери с просьбой отпустить его в монастырь. Мать ответила решительным отказом. Однажды на одной из улиц города Феодосию встретила группа богомольцев, направлявшаяся в Иерусалим. Взыглованный мальчик тайком ушел с ними. Мать в отчаянии бросилась разыскивать следы беглеца, обнаружила их, догнала паломников, вернула сына домой и круто его наказала. Эта мера воздействия только усугубила ревность юноши к Церкви, и он вновь оставил родное гнездо, и вновь мать нашла его, но уже иноком Киево-Печерской обители, любимым учеником преп. Антония. Смущенная мать сама навсегда осталась в Киеве, — инокиней женского Никольского монастыря.

* * *

Немыслимо представить себе историю нашей Церкви в отрыве от истории Киево-Печерской Лавры. Огромную, может быть, решающую роль сыграла она в грозные и страдные времена, связанные с унией. Но чрезвычайно плодотворная деятельность Лавры начинается вскоре же после ее основания.

«Иже суть погани, Господи, обрати я на крестьянство и ти будуты наша», — гласила одна из молитв преподобного Феодосия Печерского.

«От того бо, брате, Печерского монастыря... мнози епископи поставлени быша и яко светлая светила осветиша всю русскую землю святым крещением», — пишет епископ Суздальский и Владимирский Симон.

Немалое время лежит между молитвою преподобного Феодосия и свидетельством преподобного Симона.

В заботах о распространении христианства св. Владимир устанавливает на севере страны две епархии, — в Новгороде и Ростове великих. Увы, — они остаются лишь островками во взбаламученном море темного язычества. Продолжатель его дела, сын его, Ярослав Мудрый строит города — Ярославль на Волге и Юрьев «в стране Чудь» — и украшает их церквями. Но и здесь не разгорается желанным пламенем «вера истинная». Вот тут-то Киево-Печерская обитель, объединившая в своих стенах просвещеннейших людей времени, и приступает к миссионерской работе, которая затем стремительно расширяется. Из среды братьев выделяет она пастырей не только испытанных крепостью в вере, но и способных в словесном ратоборстве со жрецами и волхвами доказать народу преимущества христианства с его светлыми началами любви, братства, милосердия, самоотречения и самопожертвования, Богопознания и терпимости, — лучшего, что заложено в натуре человеческой, — над мрачным и тесным

язычеством, построенным на суеверии и потворстве низменным инстинктам людским. Мужественные поборники христианства направляются в самые глухие края страны, где потревоженное язычество особенно озлоблено: на северо-восток, к верховьям Волги, к племенам чудь, меря, весь, мурома. В землях Ростово-Суздальских сеют зерна новой веры и собирают обильную жатву постриженники Киево-Печерской обители святые Леонтий, Ефрем и Исаия. Стягает любовь народа в земле славян — вятичей на Оке мудрый Кукша и гибнет от руки разъяренных вождей язычества. В конце XI века открывается подворье Киево-Печерской обители в Суздале. Видя, сколь успешно идет просветительная работа монастыря, светские властители вступают с ним в постоянное и тесное общение. Князья ростовские строят в землях своего удела храмы и украшают их по примеру киево-печерских. Владимир Мономах возводит в Ростове церковь, за образец которой берет печерскую «Великую» Успенскую. Иконы для нее пишет изограф Печерского монастыря Алипий, первый русский живописец, оставивший свою подпись, — до него труженики в изобразительном искусстве оставались безымянными. Такую же церковь сооружает в Суздале Юрий Долгорукий.

Одновременно с этим Киево-Печерский монастырь становится оплотом сопротивления Византии, все сильнее стремящейся укрепить и расширить свое не только церковное, но и светское влияние при дворе вел. князя Киевского, упорно противодействующей становлению на Руси епископов русского происхождения и длительное время отказывающейся признать канонизацию первых русских святых. В домонгольский период из стен Киево-Печерского монастыря вышло около пятидесяти епископов Русской Православной Церкви.

* * *

Но огромны, подлинно неопценимы заслуги Киево-Печерской обители перед Церковью и Отечеством нашими во времена унии, принесшей на протяжении веков Церкви нашей неисчислимый скорбный сонм известных и безвестных мучеников за веру Православную.

Еще до того, как это ватиканское предприятие начало принимать на захваченных шляхетскою Польшею исконных русских землях отчетливые формы, среди братии монастыря, как бы в предчувствии грядущих бурь, образовалась группа иноков весьма просвещенных и вместе с тем крепких поборников благочестия. На том торжище, которое представлял собою Брестский собор, присутствовали и представители Киево-Печерского монастыря. И в ответ на беззаконные домогательства раскольников они выступили с такой пламенной искренностью, в таком всеоружии богословских знаний, с такими очевидными доказательствами лживости и лукавства своих противников, что в обнажающе ярком свете этих выступлений Брестский собор предстал как осуществление наглого умысла, рожденного в темных иезуитских тайниках, а возмутители чистых церковных вод — как предатели, тщеславные и корыстолюбивые. И столь неопровержимой правдой горели слова обличителей, что неистовый Рагоза в бесильном гневе своем не мог найти ничего иного в ответ, как предать проклятию наиболее сильных защитников веры — архимандрита Никифора Тура, настоятеля обители, и его ближайшего сподвижника игумена Елисея Плетенецкого.

С тех пор и до самого разрушения унии становится обитель непроборимой цитаделью Православия. Не раз бывало, что волны своевластного иезуитизма грозили вот-вот захлестнуть святые стены, и столько же раз иноки обители оставляли храм и келью и брались за оружие как при нашествии внешнего врага. И, — отступали злые волны, потому что за обителью стояла сила могучего боголюбивого казачества запорож-

ского, не отделявшего защиту границ Отечества от защиты веры отцовской и почитавших дом преподобных Антония и Феодосия главной святыней этой веры, — а с казацкой силой вынужден был считаться и сам король Польский.

В 1599 году отходит ко Господу бесстрашный архимандрит Никифор Тур, и на его место печерские иноки избирают игумена Елисея Плетенецкого, по словам историка, «мужа редкого по твердости характера, строгого ревнителя благочестия, неизменного в Православии, неутомимого в деятельности»¹. За четверть века его водительства обитель вступает в период новой силы. Исключительно велико значение деятельности этого пастыря в истории Лавры. Основная заслуга архимандрита Елисея Плетенецкого состоит в установлении им при монастыре ученого братства, целью которого была подготовка проповедников, в которых больше всего нуждалось православное население края, со всех сторон многообразно ущемляемое и утесняемое коварными и злобными иезуитами, соблазняемое и насильственно ввергаемое ими в темницу предательского соглашения. Деянием столь же великого значения было учреждение архимандритом Елисеем типографии и бумажной для нее фабрики.

С открытием типографии, получившей не только русский, но и иностранные шрифты, участники ученого братства приступили к работе столь же важной, как и подготовка миссионеров, — к исправлению богослужебных книг путем сверки их с греческими подлинниками, переводу наиболее значительных богословских трудов с иностранных текстов и опубликованию собственных творений. И это было во-время. Иезуиты вели наступление на самом серьезном участке борьбы: они отбирали, скупали, похищали и сжигали православные богослужебные книги. Если учесть истребление и отстранение от алтаря значительной части низового духовенства и почти полную невозможность пополнять стремительно рedeющие его ряды, то станет понятной и та великая опасность для Церкви, которая возникла в связи с уничтожением книг. В составе братства находились такие ученые люди эпохи и религиозные мыслители, как сам архимандрит Елисей Плетенецкий, игумен Иов Борецкий, в 1620 году избранный митрополитом Киевским, иеромонах Памва Беринда, архидиакон Захария Копыстенский (впоследствии преемник архимандрита Елисея), иеромонах Гавриил Дорофеевич, иеромонах Филофей Казаревич, львовский клирик Иосиф Святогорец, инок Лаврентий Зизаний, иеромонах, директор типографии, Тарасий Земка, архимандрит Кирилл Транквилион, архимандрит, в дальнейшем епископ Владимирский на Волыни, Леонтий Карпович. Карпович еще до основания братства написал свое блистательное по вдохновенной силе обличение унии. В дальнейшем многочисленные пламенные произведения этого пастыря, «подобного Златоусту в витийстве», вызвали такую иступленную ярость изуверов-иезуитов, что они, как говорит историк, «сочинения Леонтия скупали весом золота... позаботились изгладить имя его с лица земли русской». Действительно, из всего множества произведений Леонтия Карповича до нас дошли только два его «казанья»: на Успение Божией Матери и на Преображение Господне. Последнее было открыто и переиздано в 1843 году проф. Нечаенко, которому и принадлежат приведенные выше сообщения о судьбе печатных работ Леонтия Карповича. Столь же фанатическую ненависть обрушили иезуиты и на другого их противника — Кирилла Транквилиона, автора книг: «Зерцало Богословия», стяжавшее Транквилиону исключительную популярность, и «Евангелие воскресное учительное». В предисловии к последнему труду он пишет об иезуитах: «Хульного языка их слово гнилое промчится по всей земле русской, но мою невинность откроет Господь Бог мой».

¹ С. В. А. «Сила и значение Киево-Печерской Лавры в борьбе с уннею в истории югозападного края России». Киев. 1893.

Издательская деятельность Киево-Печерского монастыря начинается в 1616 году. Из типографии монастырской выходит «Часослов с Богом святым, имеяй дневную и ночную службу по уставу, иже в Иерусалиме великия лавры, иже во святых отца нашего Саввы». В 1619 году выходит переведенный с греческого игуменом Иовом «Трефологион», через год — отредактированный архимандритом Елисеем «Служебник». В 1623 году братия обительская публикует «Трипеснец», «Житие преподобной Марии Египетской» и «Беседы Иоанна Златоустого на 14 посланий», а в следующем: «Беседы Златоустого на Деяния Апостольские», «Номоканон» и «Апокалипсис» с толкованием св. Андрея Критского. 1627 год отмечается выходом «Триоди постной» и «Словено-Российского лексикона», а 1628 год — изданием книги «Преподобного аввы Дорофея поучения душеполезна различна». И особенно широкое распространение среди клира и верующих получает как нельзя более отвечающий тревогам и потребностям напряженного, грозного времени изданный в 1634 году молитвенный сборник «Утешительные мольбы ко Господу Богу Вседержителю и к Пресвятой и Препоблагословенной Владычице нашей Богородице, творимые во всякое время, изрядно же во время брани и гонения церковного. Сие к умиротворению святых, апостольских, восточных церкви».

По кончине приснопамятного архимандрита Елисея Плетенецкого ратоборственно-просветительную его деятельность продолжает преемник его архимандрит Захария Копыстенский, полемист и ученый необъятной богословской эрудиции. Еще до основания братства он вел среди братии действительную подготовительную к тому работу, и в архивах Лавры есть такая запись архимандрита при вступлении его в братство: «В иночестве Захария Копыстенский, исповедник, ненавидя зла и прилепляясь к благу, принимаю и лобызаю учрежденное в г. Киеве Братство, повинуюсь Апостолу, говорящему: братолюбием друг ко другу любезни. На сие же и руку мою подписую»². Перу архимандрита Захарии принадлежит труд «Палинодия», направленный против хитроумной и лукавой, соблазнительной и лживой, широко распространявшейся иезуитами книги Виленского униатского архиепископа Льва Кревзы «Оборона унии». В «Палинодии» с доказательствами, совершенно неопровержимыми, указывается на безосновательное и незаконное происхождение унии и с исключительной силой обличается своеволие папистов, их дерзновенное и кощунственное искажение догматов.

В смутное, насыщенное напряженным борением, но уже предрассветное, время на пост архимандрита Киево-Печерской Лавры (монастырь получил от Константинопольского патриарха права ставропигии и начал именоваться Лаврой в самом конце XVI века) выдвинулся человек исключительного опыта, высокой культуры, многообразной личной одаренности, редкой учености богословской и ревности о чистоте веры, по рождению сын владетельного князя Молдавского, Петр Могила, впоследствии митрополит Киевский. Сколь велика была популярность его среди народа и любовь к нему, видно из того, что единогласно всем клиром, православным населением края и казачеством был он выдвинут депутатом на всенародный сейм для избрания нового короля по смерти бесхарактерного и криводушного Сигизмунда III. Новоизбранному носителю короны польской Петр Могила вручает особую грамоту от волнующегося казачества, в которой эта крупнейшая в государстве сила уже не просит, а требует восстановления попираемых казацких вольностей, а также прав, похищенных иезуитами у Церкви Православной, — и возвращается к своим избирателям с триумфом, с победой, правда, недолгой временной.

Основной заботой Петра Могилы, в бытность его архимандритом Лав-

² Пам. из. Киев. Ком., 1846 г., т. II, стр. 44—45.

ры, было поднять на еще большую высоту духовно-патриотическую деятельность братства. Еще в начале XVII века под все усиливавшимся гнетом униатов, принявшим особо жестокие формы при киевском воеводе Януше Тышкевиче, который в своей ненависти к православным уступал разве лишь одному иступленно-свирепому фанатику, униатскому архиепископу Иосафату Кунцевичу, — во всех концах полоненной древней русской земли стали возникать вокруг православных приходов особые братства, — общества, объединявшие в себе людей самых различных общественных и имущественных состояний, но одинаково горевших верностью к Церкви и Родине и готовностью к всемерной их защите и укреплению. Братчики вносили деньги в общественную казну. Иногда это были весьма крупные вклады со стороны состоятельных членов общества, а часто случалось, что и последние гроши и немудрый скарб свой отдавали на великое и святое дело особенно ревностные «низовые» люди. На собранные и вырученные от продажи вещей деньги поддерживались и украшались храмы, строились приюты для стариков и многочисленных сирот, больницы, школы, в которых дети оберегались от тлетворного влияния иезуитов и опоячавшейся шляхты, размножались от руки и в тайных типографиях церковно-патриотические обращения лаврских ученых и самих, наиболее просвещенных, братчиков... А любимым детищем Петра Могилы стала основанная им высшая богословская школа, необходимость в которой прямо вытекала из потребностей времени и той же деятельности братств, прежде всего нуждавшихся в образованных пастырях, богословах, историках Церкви, проповедниках. Неопределимо плодотворна деятельность этого очага церковного просвещения — «Киевского коллегиума», переименованного потом в Киево-Могилянскую академию и ставшего впоследствии Киевской духовной академией. Этот старейший рассадник русской богословской мысли дал не только блистательную плеяду архипастырей и иерархов Русской Православной Церкви, — высшее образование получили здесь и многие из тех, кто остался в миру, но чей след отмечен в истории нашей культуры, — такие, как «старчик»-философ Григорий Сковорода, кн. Безбородко, известный путешественник и историк Григорович-Барский и брат его, столь же известный архитектор. Учился в академии сын Богдана Хмельницкого Юрий, и год провел в ее стенах великий Ломоносов.

А вскоре после того, как рассеялся смертоносный туман иезуитизма на Киевской земле, после воссоединения Украины с Россией, ученик Петра Могилы, преподаватель и ректор Киевской духовной коллегии, а с 1656 года и до своей кончины архимандрит Киево-Печерской Лавры, Иннокентий Гизель, прозванный историками русским Аристотелем, пишет свой прославленный «Синописис» — основное, главное пособие по изучению отечественной истории нашей до Ломоносова.

От преподобного священномученика Кукиши до крупнейшего мирового ученого — такова, в коротком и беглом обзоре, культурная, просветительная и патриотическая роль древнейшей, русской святыни на путях Церкви и Отечества наших.

*
* *

Древнейшая из церквей Киева — церковь Спаса на Берестове. Здесь, на этом холме, когда-то лесистом, во времена еще языческие, звучал голос благочестивой княгини Ольги, обращенный к участникам и участницам первой христианской общины. Здесь же, под густыми березами, топтали зеленую траву резвые ноги маленького княжича — будущего «Красного солнышка». Церковь Спаса — «крещатая», в форме равнокрылого греческого креста. Ее часто посещал, украшал и любил митрополит Петр Могила и, умирая, оставил значительную сумму денег на ее поддер-

жание. Ныне она восстановлена в своем раннем виде. В левом крыле храма за решеткой возвышается великолепный новый саркофаг, хранящий останки Юрия Долгорукого. Саркофаг сооружен в 1947 году, — крепко любят киевляне свою славную историю, законно гордятся тем, что на их земле, руками их прямых предков прокладывалась дорога великого государства. Над саркофагом возвышается прекрасно исполненный вид современного Московского Кремля.

Путь в собственно Лавру ведет отсюда через Экономические ворота с надвратной церковью во имя Всех святых. Построенная в эпоху расцвета украинского зодчества, она радует взоры чистотою стиля, своеобразием куполов грушевидной формы, отличающей украинское барокко, и столь же оригинальным рисунком крестов, — каждое крыло креста пересечено к концу и основной крест, таким образом, состоит из трех малых. За аркой ворот справа стоит небольшая галлерея с размещенными на стене реликвиями, относящимися к храму. Здесь особое внимание путника привлечет одна из них — копия хранящегося в Музее украинского искусства рисунка Т. Г. Шевченко. Великий поэт был и талантливым художником, и с необыкновенной теплотой передал он уголок любимого им родного Киева: за огромным вековым деревом встает Всехсвятская церковь, на переднем плане изображена медленно движущаяся к храму фигура женщины в костюме эпохи и крестьянин в высоком гречневике, очевидно, тоже богомolec. Небольшая эта работа исполнена с таким проникновенным чувством, что долго не оторвешь от нее глаз, взволнованный как бы личными воспоминаниями.

Скорбна дальнейшая дорога, — вновь мимо порушенной злобными варварами-фашистами Великой Успенской церкви. И вновь иглою входит в сердце боль и гнев... В 1918 году на площадь св. Марка в Венеции упала австрийская бомба, — одна единственная. И вот мраморная плита, вделанная в мозаику настила, на веки вечные гласит своей краткой надписью о совершенном преступлении против человеческой культуры. Может быть, и этому мировому сокровищу искусства лучше лежать вот так, поверженным, поникшим к земле, из которой подняли его к небу вдохновенные руки гениальных мастеров, — лежать на стыд и позор всему низкому, злобному, безумному, что есть в человечестве...

И сразу легче, отраднее становится, когда минуешь глубокую арку Святых ворот. Невдалеке, за липовой аллеей, открывается глубокий спуск между длинными корпусами. Тихо переговариваясь, со всех сторон направляются к спуску богомольцы. У некоторых из них узлы за плечами, — видно, что издалека прибыли паломники, чтобы поклониться святым местам. Спуск поворачивает вправо, а слева далеко вниз по склону тянутся густые сады с приземистыми ширококронными яблонями, напоминающими куполообразные восточные шатры. Чисты дорожки, видны цветы. Любопытливая детвора теснится у частокола, старик сторож украшает свежевырезанный костылек, спиралью отходит кора, обнажая белую древесину, лохматый большой пес, грозный только на цепи, мотая хвостом, с веселым лаем мчится к маленьким зрителям, приглашает побегать вместе с ним по извилистым тропкам меж стволами. Все мирно, ласково, безмятежно в этот благословенный час вечера.

В Крестовоздвиженской церкви Нижней Лавры идет всенощная. Служба уставная, долгая. Неярко горят лампы, мерцают свечи, и этот приглушенный свет, черные одеяния иноков, темные лики икон сообщают богослужению особую строгость, в которой ничем не колеблемое внимание пристально сосредоточивается на каждом слове, на каждом возгласе, на каждом движении священнослужителей. Два хора, как бы перекликаясь, поют с удивительной чистотой, и мелодии песнопений просты, глубоки и проникновенны. «Блажен муж», — звучит под сводами храма, и с волнением слушаешь звуки древнего Киевского роспева, и словно безмерной становится память твоя, — окрыленная душа твоя, живая свидетель-

ница, уходит вглубь веков, и ты уже будто слышал в дали давно прошедшего это «Аллилуйя», — хвалите Господа, хвалите Бога истинного! — этот троекратно повторяемый последний слог — возглас: «Аллилуйя-а-а-а!» звучащий властно, призывно, почти повелительно.

*
* *
*

...«Встань, благородный муж, из своего гроба! Встань, отряси свой сон, потому что ты не умер, а только спишь до общего всех пробуждения!

Встань, ведь ты не умер, потому что ты и не мог умереть, веруя во Христа, всего мира Жизни. Отряси сон, возведи очи, чтобы видеть, какой чести Господь сподобил тебя на небе и какую славу по тебе создал среди сынов твоих.

Встань, взгляни на дитя твое Георгия, взгляни на свой собственный отпрыск, взгляни на своего милого, на того, кого Господь создал из твоей плоти и крови, взгляни на украшающего престол твоей земли и возрадуйся и возвеселись. Посмотри также и на... внуков твоих и правнуков, как они живут, как хранит их Господь, как хорошо исповедуют веру, тобой завещанную, как часто они посещают святые церкви, как славят Христа и поклоняются Его имени.

Взгляни, наконец, и на город, величеством сияющий, на церкви цветущие, на христианство растущее, взгляни на город, святыми иконами освещаемый, блистающий, овеваемый благоуханным темьяном, хвалами и божественным пением оглашаемый.

И видя все это, возрадуйся и возвеселися и похвали Благого Бога, всего этого Создателя»³.

Это — из «Слова» митрополита Киевского Илариона.

...Скрипят под ногами богомольцев деревянные полы и ступени длинной галереи, восходящей на вершину холма и так же мягко опускающейся с его склоном. Люди движутся неторопливо, в полном молчании. Некоторые по дороге многократно опускаются на колени, чтобы оставить позади все помыслы земные, чтобы в полной непосредственности предстать пред святынею. От церкви свв. Иоакима и Анны идет спуск уже под землю, в пещеры Дальние. Темнота совершенная, черная, бездонная, — цепочка тоненьких мерцающих свечей не затрагивает ни стен, ни сводов пещерных. Подобна темноте и тишина, — ни звука нет в этом мраке, безмолвны шаги на песке. И вместе со все усиливающейся молитвенной взволнованностью вдруг охватит тебя неодолимое чувство, родственное устранинности, и в трепете перед священной таинственностью места поднимется в тебе горькое сознание своей греховности, несовершенства и дерзновенной поспешности, — как смел ты вот так, неподготовленным, прямо из того внешнего, вещного, суетного, грубого мира войти в это святилище! И уже полностью, беззаветно предашь себя воле Господней...

Катакомбные церковки во имя Благовещения Божией Матери, в память преподобного Феодосия и в честь Рождества Христова. Как малы они, как напоминают о том бедном, тесном, скудном месте, где стояли простенькие деревянные ясли, к которым привела волхвов звезда Вифлемская, откуда воссиял над миром свет немеркнущий!.. Маленькая келья преподобного Феодосия. Здесь под спудом почивают святые мощи его. И дальше преклонишь колени в том же молитвенном восторге перед прошлым, озаренным этим немеркнущим светом, у открытого гроба, который хранит нетленные останки смиренного иерея Берестовского, митрополита Киевского, создавшего свое бессмертное «Слово» за полтора века до «Слова о полку Игореве».

³ Перевод на современный язык акад. Б. Д. Грекова.

Покоятся в Дальних пещерах нетленные мощи 46 преподобных и среди них, — кн. Евфросинии, игумении Полоцкой, Феофила, епископа Новгородского, томившегося в заключении в московском Чудовом монастыре, отпущенного Иваном Грозным на богомолье в Киев и скончавшегося в ладье на Днепре, в виду Лавры; кн. Феодора Острожского, ревностного рачителя о вере; Агафона чудотворца, о котором надпись на древнем его гробе гласит: «Яко пророк, будущая возвещаая; яко врач, возложением рук своих немощныя исцеляя; яко свят, в небе со святыми во славе, телом же в нетлении с преподобными зде в пещере пребываая». Под сенью Дальних пещер хранится и часть мощей безвестного св. младенца, убиенного Иродом за Христа, которую принес в дар Лавре патриарх Иерусалимский Феофан при утверждении им русской церковной иерархии в 1620 году.

Взволнованный великим волнением, не в состоянии будет богомолец непосредственно за Дальними пещерами вступить в пещеры Ближние. И, дождавшись спокойствия и возвращения крепости, вступив под своды, веками омоленные, вновь и вновь убедится он в бессилии человеческого времени перед тем, что совершается по воле Божией. Склонив голову, задумается он у мощей преподобного Иеремии прозорливого, о котором Нестор говорит: «Брат, именем Еремия... Сему бе дар дарован от Бога: проведаше предбудущая... аще что речаше, ли добро, ли зло, сбудяшется старче слово», а также и то, что «помяще крещение земле Руськыя». Та же условность времени предстанет перед ним и у мощей самого Нестора, великого отца великой нашей истории, о начале иночества своего поведавшего так: «Феодосьеви же живущо в монастыри и правящую добродетельное житье и чернецьское дравило и приемлющую всякого приходящего к нему; к нему же и аз придох худый и недостойный раб, и прият мя, лет ми сущю семнадесяти от рожденья моего». Произошло это в 1073 году. А поблизости покоятся мощи и еще одного из первых постриженников Лавры, — преподобного Агапита, «лечьца безмездного», пришедшего в пещеры еще при основателе скита, преподобном Антонии. Прикладываясь к святым мощам, капаая воском свечи на стекло, за которым открыто лежит длань или стопа уже ссохшиеся и потемневшие на протяжении долгих веков, задержит он шаги свои перед гробницами и священномученика Кукуши, и преподобного Нифонта, епископа Новгородского, и изографа Алипия, писавшего безвозмездно иконы для церквей и монастырей и платившего за краски работой, о котором легенда повествует, что однажды он заболел и был очень озабочен тем, что во-время не сдаст заказа, сделанный ему одним знатным горожанином, а ночью у постели обессиленного больного ангел дописал незаконченную икону, — так, с иконой на груди и ликом крылатого ангела над головою и изобразил преподобного Алипия великий художник нашей эпохи Васнецов во Владимирском соборе Киева... Умиление охватит богомольца перед смиренной кротостью преподобного Николы Святоши, князя Черниговского Святослава, в иночестве Николая, — перед доской, где изображены его послушания: водоносец, дроворуб, прислужник в поварне и у одра болящих, огородник, привратник. Епископ Симон оставил нам изумительное по выразительности житие кротчайшего князя-инока. Покоятся здесь в нетлении и мощи самого Симона, епископа Суздальского и Владимирского, одного из авторов Печерского Патерика, а письма епископа Симона к иноку Поликарпу, «брату и сыну», — один из совершеннейших и драгоценнейших образцов нашей духовной литературы. Содрогнется сердце паломника, когда узнает он о высоте молитвенного подвига печерских затворников, о том, как на камне малого отверстия в стене кельи однажды в сутки послушник оставлял просфору, и если в течение трех дней единственная пища эта оставалась нетронутой, то игумен и братия совершали отпевание и замуровывали отверстие. Потрясенный, будет он читать повесть о самом себе одного из затворников Лавры, — преподобного Иоанна Многострадального: «Умыс-

лих наг жити, брѣня же тяжки на тело свое възложити... ископав убо яму до раму досягающе. Приспевшим же днем святаго поста, влез в яму, своимъ рукама осыпав ся перстью, яко только имети руже свободне и главу, и тако угнетаемъ зле, пребыхъ весь пост, не могый двинути ни единымъ съставымъ. То и ту стремление прети не преста. Нозе же мои, еще в ями, из-дну възгорешася, яко и жилom скорчитися и костемъ трескотати, уже и пламени досягающе утробы моя и удове мои изгореша. Аз же забыхъ болезнь лютую и порадовахся душею, яко та ми чиста, и се изволих изгорети Бога ради во огни томъ зело...»⁴.

Но, покидая благодатный бессмертный Некрополь, почувствует богomoлецъ великую радость, что оваян он неощутимымъ дыханиемъ техъ, кто за веру и отчизну шел на смерть, на гонения и муки, на очистительный искуc. Радость, что сподобился он войти в сонмъ прославленныхъ молитвенниковъ и заступниковъ за него, за родъ его, за весь неисчислимый родъ русскихъ православныхъ людей.

Н. Яковлев

СХИАРХИМАНДРИТЪ ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

(К 160-летию со дня кончины)

I

Схиархимандритъ Паисій Величковскій принадлежалъ къ той плеяде замечательныхъ духовныхъ деятелей, которыми такъ богата была Украина XVII и начала XVIII вѣковъ. Онъ не былъ призванъ, подобно Стефану Яворскому, святителю Димитрію Ростовскому, святителю Иоасафу Белгородскому, къ административному служению Церкви. На долю Паисія выпалъ болѣе скромный и незаметный уделъ аскета-подвижника, который онъ сочеталъ съ широкой литературно-переводческой деятельностью, создавъ крупный религиозно-просветительный центръ въ Нѣмецкомъ монастырѣ въ Румыніи.

Паисій Величковскій, въ мирѣ Петр, родился въ Полтавѣ 21 декабря 1722 года въ семьѣ священника. Въ четырехлѣтнемъ возрастѣ онъ лишился отца. Въ 1735 году мать поместила Петра въ Кіевскую духовную академию, въ то время не уступавшую въ постановкѣ образования лучшимъ заграничнымъ школамъ. Въ Кіевской академіи Петръ пробылъ лишь четыре года; затѣмъ онъ покинулъ ее, потому что въ немъ давно созрѣвала мысль обучаться внутреннему монашескому деланию.

Посещая кіевскіе храмы, проводя время въ молитвѣ, въ духовныхъ беседахъ съ друзьями-единомышленниками и въ чтеніи святоотеческой литературы, Петръ все болѣе и болѣе утверждался въ намереніи оставить миръ. Онъ и его друзья твердо рѣшили принять постригъ не въ какой-либо богатой обители, гдѣ жизнь иноковъ протекаетъ въ телесномъ упокоеніи, а тамъ, гдѣ они могли бы, согласно монашескому обету, последовать нищетѣ Христовой. И вотъ осенью 1739 года Петръ, по указанію своего духовника иеросхимонаха Пахомія, направился въ Любецкій монастырь, гдѣ съ любовью былъ принятъ игуменомъ Никифоромъ, въ лицѣ котораго нашелъ идеалъ истиннаго настоятеля.

По истеченіи трехъ мѣсяцевъ пребыванія Петра въ Любецкомъ монастырѣ, его настоятелемъ сталъ Германъ Загоровскій, который управлялъ обителью «не по подобию прежняго предреченнаго, но властительски»¹. Суровость новаго игумена заставила Петра перейти въ Медведовскій мо-

⁴ Арсеньевская летопись под 1401 г.

¹ Автобиографія старца Паисія. Рукопись Библиотеки Академіи Наук. 13.3.26Л.43.

настырь Святителя Николая, расположенный на острове реки Тясмина. В этом монастыре в день Преображения Господня 1741 года он был пострижен в рясофор с именем Парфения. Одновременно с ним был пострижен и другой брат, названный при пострижении Платоном. Братия монастыря перепутала имена и стала называть Петра Платоном, а другого брата Парфением. Когда Петр сказал об этом игумену, то игумен ответил ему, чтобы он не смущался этим обстоятельством. «Аз же... по повелению его Платоном называхся, — пишет старец Паисий, — аще яко неведый силы святого послушания отчасти и скорбях о сем, желях бо аще бы возможно именем данным мне на постризе нарицатися»².

Время, когда Петр постригся в Николаевском монастыре, было чрезвычайно тяжелым для правобережной Украины: уния с горькими ее последствиями давала себя чувствовать. Православные монастыри или вовсе закрывались, или обращались в униатские. Православные монахи не находили ничего лучшего, как бегством спастись от преследования. Вскоре притеснения коснулись и Николаевского монастыря. Монахам было предложено принять унию. Они отказались. Вслед за этим последовало запрещение совершать богослужения, и церковь была опечатана.

Эти обстоятельства заставили инока Платона покинуть обитель. Вместе с двумя другими монахами, он направился в Киев, где все трое были приняты в Киево-Печерскую Лавру. Инок Платон был уверен, что всю свою дальнейшую жизнь он проведет в Лавре. Однако, сохраняя свое намерение уйти из мира в странничество, принять Христову нищету и постричься от какого-либо угождающего Богу подвижника, он покинул Лавру.

Посещая обители Украины и Молдавии, Платон увидел великих подвижников духа, исполнителей заповедей Христовых. В его представлении стал уже ясно вырисовываться идеал истинного наставника, в послушании которому он мог бы преуспевать в духовной жизни и безбоязненно строить свое спасение. В поисках наставника он отправляется в 1746 году на Афон.

Афонская гора ко времени прибытия туда инока Платона представляла печальную картину в отношении своего политико-экономического и духовно-нравственного состояния. Порабощенные турками, ее насельники изнемогали под бременем тяжких налогов. Невежество, национальная вражда, грубые пороки проникли в афонские монастыри. В силу национальной розни греки захватили древний русский монастырь святого Пантелеимона. Святая Гора, когда-то «приемлющая и покоящая стольких труждающихся и обремененных, отверженцев мира и приверженцев Христа»³, теперь холодно и безучастно смотрела на бесприютно скитавшихся русских иноков, «от всех презираемых», как свидетельствует Григорович-Барский, посетивший Афон в 1744 году⁴.

Инок Платон посетил многих пустынников и отшельников в надежде найти духовного руководителя. И, не найдя такового, поселился в каливе около монастыря Пантократор⁵. Здесь, в безмолвии, он отдался духовным подвигам и весьма преуспевал в них, «восходя от силы в силу». Так прожил он более трех лет. В начале 1750 года на Афон прибыл из Молдавии старец Поляномерульский и постриг инока Платона в мантию с именем Паисий. С этого времени Паисий становится учеником старца Василия.

Чем объяснить, что инок Платон не нашел на Афоне духовного ру-

² Автобиография старца Паисия. Рукопись Библиотеки Академии Наук. 13.3.26Л.59.

³ Антоний архим., Заметки поклонника Святой Горы, Киев, 1864, стр. 382.

⁴ Барский Г., Путешествие к Святым местам..., СПб, 1819, ч. I, стр. 283.

⁵ Келлией у афонских монахов называется дом с церковью. Если при доме нет церкви, то это называется каливой.

ководителя? По свидетельству того же Г. Барского, несмотря на общий упадок духовно-нравственной жизни Афона, там находилось «не мало иноков российских воздержанного богоугодного жития»⁶. Но они, как видно, не могли удовлетворить Платона. Возможно, что в то время инок Платон стоял уже на более высокой ступени духовного совершенства, чем те, к кому он обращался. Это можно также объяснить и теми строгими требованиями, которые он предъявлял к духовному руководителю.

Свой взгляд на то, какими качествами должен обладать истинный руководитель ко спасению, он изложил впоследствии Виссариону, первому своему ученику. Истинным духовным наставником, по его мнению, может быть только тот, кто постоянно понуждает самого себя к исполнению заповедей Христовых. Никто не может научить другого тому, чего он сам не познал личным опытом. Сам наставник должен прежде всего победить борющиеся его страсти. Он указывал на Спасителя, Начальника брани и Вождя победы, Который отразил нападение сатаны постом, бдением и молитвою и научил людей поступать таким же образом, подавая им силу во время брани для отражения врагов. Смирение, кротость, нищета Христова, долготерпение, милосердие, любовь к Богу и к ближнему — вот те добродетели, которыми должен обладать тот, кто берет на себя руководство другими. Богоносные Отцы предвидели, что трудно будет найти такого наставника, а потому оставили свои писания, в которых все и изложили. Из этих писаний, за неимением наставника, и должно поучаться⁷.

Этот взгляд на духовного руководителя, сложившийся под влиянием глубокого изучения святоотеческой литературы, свидетельствует о высокой степени нравственного совершенства старца Паисия. Придя на Афон с целью поучиться у афонских иноков, он сам, вопреки своему желанию, становится в ряды духовных руководителей.

Под влиянием бесед старца Василия старец Паисий постепенно приходит к выводу «яко бедное мнимое безмолвие несть моя мера, но совершенных и бесстрастных... умыслих царским путем житие свое проходить, со единомысленным... братом: вместо отца, Бога имети себе наставника, и учения Святых Отец, и повиноватися друг другу»⁸, как пишет он впоследствии своему другу иерею Димитрию. С этой мыслью он с радостью принял к себе первого пришедшего к нему ученика, молдаванина Виссариона, которому раньше многократно отказывал. Вслед за Виссарионом около Паисия стали собираться братия из славян и молдаван.

С увеличением числа братий старец Паисий вынужден был переселиться в келлию святого Константина, принадлежавшую монастырю Пантократор. Когда собралось двенадцать братий, явилась крайняя нужда в священнике и духовнике. Вся братия стала просить старца Паисия принять священнический сан и духовничество, но старец не хотел об этом и слышать, объясняя, что он покинул Молдавию именно из-за того, чтобы его не посвятили в священники. Братия продолжала его упрашивать. К просьбам братии присоединились и духовные отцы Святой Горы, увещевая его не отказываться, так как видели в нем достойного духовника. Когда были исчерпаны все доводы Священного Писания, отцы прибегли к последнему, который, по их мнению, должен был сломить его волю. «Како ты,— сказали они,— научиши братию послушанию... сам преслушавшая и презирая слезное моление толиких молителю и нас»⁹. Отцы не ошиблись. Хотя и против воли, старец повиновался, сказав со слезами:

⁶ Барский Г., Путешествие к Святым местам..., СПб, 1819, ч. I, стр. 282.

⁷ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, М., 1847, стр. 39.

⁸ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Авраамских дел подражателю..., стр. 289.

⁹ Житие и писание молдавского старца Паисия Величковского. Авраамских дел подражателю..., стр. 43—44.

«Буди воля Божия». К великой радости своих духовных чад он был рукоположен в 1758 году в священный сан и сделался духовником своей братии.

Когда число братии сильно увеличилось, старец Паисий переселился в келлию святого пророка Илии, принадлежащую тому же монастырю Пантократор, и здесь создал скит с правилами общежительного монастыря. Необходимость духовного руководства собравшейся к старцу Паисию братии заставила его искать святоотеческую литературу на славянском языке. С большим трудом он нашел ее, но после длительного изучения убедился, что удовлетворительного славянского перевода святоотеческих творений не существует. Тогда он стал разыскивать творения Святых Отцов на греческом языке и сверять с ними славянские переводы, положив начало той школе переписчиков и переводчиков, которая впоследствии достигла полного развития в Нямецком монастыре в Молдавии.

Старец Паисий вскоре становится духовником многих афонских подвижников и даже бывшего патриарха Константинопольского Серафима II, пребывавшего там на покое. Но в то же время о нем стали распространяться порочащие слухи. Молдаванин Афанасий, живший с учениками в скиту Капсокаливе, называл старца еретиком и хулил умную молитву, которой старец учил свою братию. Не удовлетворяясь устной клеветой, Афанасий в письме к старцу Паисию осыпал его упреками за то, что он заменяет церковное правило молитвой Иисусовой, слишком доверчиво относится к греческим рукописям и неправильно толкует учение святого Григория Синаита об умной молитве. Но старец Паисий, по настоянию отцов Духовного Собора Святой Горы, написал против Афанасия обличение, в котором опроверг все его обвинения и заблуждения.

Ввиду увеличения числа братии, превысившего в 1763 году шестьдесят человек, и невозможности организовать общежитие для всех, стремившихся жить под его руководством, старец Паисий должен был переселиться в Молдавию. Но семнадцатилетнее пребывание его на Святой Горе не прошло для Афона бесследно. Устроением своего скита старец Паисий положил начало созданию того благоустроенного Свято-Ильинского скита, в котором и теперь еще живы его традиции.

Не бесследно прошло пребывание на Афоне и для самого старца Паисия. Здесь закончилось его духовное образование, и началось его служение, как воспитателя монашества в духе строгого подвижничества с «умным деланием» и постоянным «трезвением», которое дает ему право стоять наряду со «светилом Российским» преподобным Нилом Сорским.

II

В Молдавии старец Паисий, по распоряжению молдавского господаря Григория Калимаха и по благословению Молдавлахийского митрополита Гавриила, поселился с братией в предоставленном им монастыре Святого Духа в Драгомирне¹⁰, и с этого времени указанный монастырь вступил в новый период своего существования. До этого он почти пустовал, а теперь стал быстро пополняться иночествующими, приходившими из России и с правобережной Украины. Старец Паисий ввел в монастыре устав, применявшийся им в Ильинском скиту на Афоне и составленный на основе уставов св. Василия Великого, Феодосия Великого и Феодора

¹⁰ Монастырь Святого Духа в Драгомирне существовал уже в XVI веке, но был в разоренном состоянии. В 1602 году его возобновил епископ Радовецкий Анастасий Крымкович. Сильному разрушению монастырь подвергся при молдавском господаря Василии I Лупуле (1634—1654 гг.) (Мордвинов В., Православная Церковь в Буковине, СПб, 1874, стр. 117—122).

Студита. Основными требованиями этого устава были: послушание, нестяжание и смирение. На общих послушаниях неукоснительно должно было соблюдаться молчание и творение молитвы Иисусовой. Вся братия, и особенно новоначальные, ежедневно открывали свои помыслы духовным отцам¹¹.

В Драгомирском монастыре, более чем на Афоне, начались усиленные занятия старца и его братства переводами святоотеческой литературы на славянский и молдавский языки и их перепиской. Здесь были исправлены старые переводы творений преп. Исихия, Диадокха, Макария Великого, Филофея Синайского, Нила Синайского, аввы Фаласия, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова, преп. Кассиана Римлянина и других. Кроме исправления этих книг, были вновь переведены творения следующих святых отцов: Антония Великого, Исаии Отшельника, Петра Дамаскина — вторая книга, Феодора Студита, Марка Подвижника, Никиты Стифата — триста глав, Каллиста, патриарха Константинопольского и сопостника его Игнатия Ксанфопуло, житие св. Григория Синаита, написанное его учеником Каллистом, патриархом Константинопольским.

Кроме занятий переводами, в первые же годы своего пребывания в Драгомирне старец Паисий составил шесть глав об умной молитве, как опровержение учения, которое тогда распространялось на Украине одним монахом, отрицавшим умную молитву.

Управляя обителью, старец каждый день, начиная с Рождественского поста и кончая Лазаревой субботой, проводил беседы с братией — один день на молдавском языке, а другой — на славянском. Во время бесед старец толковал святоотеческие творения. Все наставления старца клонились к неизменной цели: побудить братий к хранению «всем сердцем и всею душою» заповедей Божиих. Наилучшим средством к этому старец считал чтение святоотеческой литературы. «Егда же удалитея от внимания отеческих книг, — говорил он, — то ниспадете от мира Христова и любви, сиречь от деланий заповедей Христовых, и внидет в вас мятеж, молва и неустроение, душевное смущение, колебание и безнадежие, друг же на друга роптание и осуждение: за умножение сих иссякнет любви многих, паче мало и не всех: и аще сия тако будет, разоритесь имать вскор и собор сей, первее душевные, по времени же и телесне»¹².

В 1775 году старец Паисий, вместе со своим братством, вынужден был оставить Драгомирну по следующим обстоятельствам. Вскоре, после окончания в 1774 году русско-турецкой войны (1768—1774 гг.), Австрия, пользуясь слабостью Турции, потребовала от нее уступки Буковины. Оттоманская Порта, не желая заводить распри с Австрией, согласилась на это и предоставила во владение Габсбургского дома Буковину и целый ряд молдавских земель, в том числе и Драгомирну¹³. Старец Паисий не хотел оставаться в католической стране и, по предложению молдавского господара Григория Гика и молдовлахийского митрополита Гавриила, переселился с 350 братьями в Секульский монастырь.

С большой скорбью расставался старец и его братия с Драгомирской обителью. Но, пишет старец, «совесть моя... мирна бяше». Предложение переселиться в Секул было согласно с неоднократными просьбами игумена обители Евфимия, проигумена Нифонта и прочих братий¹⁴, и 14 октября 1775 года старец Паисий прибыл с частью братии в Секульский монастырь Усекновения главы Иоанна Предтечи. Этот монастырь, имевший всего лишь 14 келлий, не мог вместить всего Паисиевского

¹¹ Устав старца Паисия. РК сборник Ленинградской Публичной Библиотеки, СПб, ДА № 279 л., стр. 183—202.

¹² Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, стр. 61.

¹³ Мордвинов В., Православная Церковь в Буковине, стр. 3.

¹⁴ Письмо старца о переходе в Немецкий монастырь. РК Библиотеки Академии Наук. 13.5.6.Л. 2.

братства, и пришлось начать строительство новых келлий, чтобы переселить в Секул всю братию из Драгомирны. Несмотря на эти заботы, жизнь в Секуле была устроена по чину Драгомирского монастыря с ежедневными беседами старца в зимнее время и непрекращавшейся переводческой деятельностью.

В 1779 году старец Паисий вынужден был принять в свое управление и Нямецкий монастырь, который на протяжении всего своего существования являлся для Молдавии центром религиозного просвещения и воспитал много борцов, самоотверженно защищавших Православие и народность от ислама, протестантизма и католичества. Нямецкий монастырь имел для Молдавии такое же значение, как Троице-Сергиева и Киево-Печерская лавры для России. В 1779 году молдавский господарь Константин Муруз, считавший Секульский монастырь по его местоположению крайне неудобным для подвоза всего необходимого, предложил старцу Паисию перейти в Нямецкий монастырь. Но старец Паисий дважды упорно отказался от приема Нямецкого монастыря. Наконец, 9 августа 1779 года он получил решительное предписание господаря и митрополита, понуждающее его к переходу в новую обитель. Глубоко продумав все сложившиеся обстоятельства, старец решил больше не противиться и, «подложив выю... игу Божественного послушания», покинул Секул, вверив управление им духовнику Иларйону.

В Нямецком монастыре так же, как на Афоне, Драгомирне и Секуле, жизнь иноков была построена на началах общежития с ежедневным открытием помыслов духовным отцам. И здесь старец Паисий продолжал заниматься переводом святоотеческой литературы на славянский и молдавский языки. В основу новых переводов он брал болгарские рукописи, частью найденные в Нямецкой библиотеке, частью вывезенные из афонских монастырей Зографа, Пантократора и св. Павла.

К 1787 году число братии Нямецкого монастыря достигло семисот человек. В это время мирная жизнь обители была нарушена начавшейся русско-турецкой войной. Местечко Нямец, расположенное в 15 километрах от монастыря, было занято турками. Старец и братия вынуждены были оставить монастырь и переселиться в Секул. Но милость Божия хранила Нямецкую обитель: турки, находившиеся поблизости, не вошли в нее. В скором времени русская армия вытеснила турок из Молдавии. В 1790 году в Яссы прибыл главнокомандующий русской армией Потемкин, а вместе с ним архиепископ Екатеринославский Амвросий (Серебрянников), возведший старца Паисия в сан архимандрита.

Трудами старца Паисия Нямецкий монастырь превратился в крупный центр богословско-аскетического просвещения. Как бы венцом этой деятельности явилось издание в 1793 году сделанного старцем Паисием славянского перевода греческого Добротолюбия, Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил (Петров) желал видеть этот перевод напечатанным, но старец, не будучи уверенным в качестве своего труда, долго отказывался от этого мероприятия. Наконец, он согласился. «Издание словено-русского Добротолюбия было событием не только в истории русского монашества, но и в истории русской духовной культуры вообще. Это был сдвиг и толчок... возврат к истокам, был открытием новых путей, был обретением новых кругозоров»¹⁵.

III

Предчувствуя приближение смерти, старец Паисий приступил к написанию своей автобиографии. Но не для того, чтобы говорить о самом себе, а для того, как он сам пишет, чтобы рассказать историю созданно-

¹⁵ Фроловский Г., Пути русского богословия, стр. 127.

го им разнонационального монашеского братства¹⁶. К сожалению, эта автобиография осталась неоконченной. Очевидно, смерть старца, последовавшая 14 ноября 1794 года, прервала его труд.

Заканчивая обзор деятельности старца Паисия, необходимо сказать, что он не был только книжником, а стремился к творческому обновлению отеческих преданий в современном ему монашестве. И в этом направлении ему посчастливилось сделать очень многое, потому что он обрел «небесное на земле сокровище» — святоотеческую литературу, в которой заключалось все необходимое для возрождения монашества: святоотеческое учение о молитве, общежитии и монашеских обетах.

Влияние старца Паисия сказалось в жизни множества монастырей, скитов и монашеских общин России, Румынии и Афона¹⁷, ибо многие из учеников его, подготовленные им к духовному руководству и снабженные рукописями его переводов, разойдясь по русским и румынским монастырям, вдохнули в них жизнь и во многом способствовали их возрождению.

Иеромонах Леонид

ПРОФЕССОР-ПОДВИЖНИК

I

Среди славных деятелей Русской Православной Церкви и русской богословской науки в XIX веке ярко блистает имя протоиерея Александра Васильевича Горского, профессора, впоследствии ректора, Московской духовной академии. «Великан русской науки», «исполин знания», «краса и слава академии», «слава русской науки», «украшение Св. Церкви» — так называли А. В. Горского его современники.

Выдающиеся деятели науки единогласно свидетельствуют, что труды А. В. Горского имели большое значение не только для узкой специальной области, но и для развития просвещения в России и особенно для Московской духовной академии, в которой он трудился всю свою жизнь.

А. В. Горский принимал самое деятельное участие в научной жизни своего времени; к нему обращались за указаниями крупные ученые; многие ученые общества избирали его своим членом; он пользовался любовью в ученом мире не только в России, но и за границей.

Помимо этого А. В. Горский был поистине редкая нравственная личность. Вся его деятельность была направлена на служение Богу и ближнему. Всякое дело он старался исполнять как бы пред очами Божиими. По словам Гилярова-Платонова, — «этот аскет-профессор, этот инок-мирянин, с подвижнической жизнью соединявший общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаниями и трудами, это было необыкновенное явление».

II

А. В. Горский родился в Костроме 16(28) августа 1812 года. Отец его, Василий Сергеевич, был профессором российской словесности и красноречия в духовной семинарии, а потом смотрителем духовного училища, священником и, наконец, протоиереем кафедрального собора. Это был образованный по тому времени человек, с природным умом и здравомыслием, не лишенный поэтического чувства, человек с определенными

¹⁶ Автобиография старца Паисия. РК Библиотеки Академии Наук. 13.3.26Л.1.

¹⁷ Четвериков С., прот., Молдавский старец схиархимандрит Пансий Величковский. 1938, вып. 2, стр. 39—43.

ми нравственными устоями, отличавшийся необыкновенной добротой. Без сомнения, он оказал немалое влияние на умственное и нравственное развитие своего сына.

Воспитание, полученное А. В. Горским в родительском доме, было старозаветное, строгое, даже суровое. По его словам, он прожил свои детские годы «как монашество в своей келье», был воспитан «под грозным жезлом скромности».

Восьми лет Горский поступил в духовное училище, а двенадцати лет — в духовную семинарию. Отец внимательно следил за успехами своего сына и часто помогал ему в его ученических занятиях. Старая, дореформенная духовная школа, слишком трудная для посредственных учеников, с другой стороны, не угашала, а воспитывала великие дарования. К ним, несомненно, принадлежал Александр Васильевич Горский, который всегда был в числе первых в списке и самым развитым из учеников семинарии.

Весной 1828 года бакалавр Московской духовной академии иеромонах Афанасий Дроздов (впоследствии архиепископ Астраханский) производил ревизию Костромской семинарии, причем ему было поручено взять из этой семинарии трех воспитанников в Московскую духовную академию. Ревизор был так поражен ответами и развитием молодого Горского, что решил взять его в академию одного, вместо предполагаемых трех. Это был почти беспримерный случай, так как в духовную академию обычно поступали окончившие богословские классы в семинарии, а Горский окончил лишь философский класс.

Шестнадцатилетним мальчиком прибыл Горский в Московскую духовную академию. Отец снабдил его письмом к своему знаменитому земляку, своему «несумненному благодетелю», профессору Московской духовной академии Федору Александровичу Голубинскому, прося не оставить своим попечением неопытного молодого юношу. «Рано молодое деревцо с отеческого грунта пересажено в вертоград, требующий возмужалости и опытности», — писал он Голубинскому.

Последующие годы показали, что «молодое деревцо» не только благополучно прижилось в славном вертограде, но и выросло в могучее и плодоносное дерево, ставшее украшением не только родного вертограда, но и всей Церкви.

Будучи студентом академии, Горский ревностно изучал науки. Он неукоснительно посещал лекции, внимательно слушал и умело записывал читавшиеся курсы и очень много читал, делая многочисленные выписки и конспективные записи. Своим трудолюбием студент Горский поражал всех. «Он всегда был за делом», — вспоминает его товарищ П. С. Казанский. «Когда он садился за свой столик, то не видал никого».

За годы своего пребывания в академии Горский приобрел не только значительный запас знаний, но и привычку к труду, умение трудиться, умение пользоваться приобретенными знаниями, мыслить, наблюдать и анализировать. И, что особенно важно, в годы своего студенчества Горский успел полюбить науку, проникнуться глубоким уважением к научным занятиям, сохранив это чувство до конца своей жизни.

Из преподавателей академии наиболее заметное влияние оказал на Горского Ф. А. Терновский-Платонов, читавший гражданскую историю. Лучшими студенческими работами А. В. Горского были как раз два сочинения по гражданской истории, писанные Терновскому-Платонову.

В студенческие годы стал складываться и моральный облик Горского. Начатый им тогда дневник свидетельствует, что он следил за собой, много думал о том, как лучше устроить свою жизнь, чтобы угодить Богу, очень строго относился к себе и, как правило, был недоволен собой. Юноша нуждался в поддержке, сочувствии, руководстве. Большое и благотворное участие принимал в Горском Ф. А. Голубинский, в семье которого Александр Васильевич был как родной.

В 1832 году А. В. Горский окончил курс академии третьим магистром и, при содействии Ф. А. Голубинского, получил место профессора церковной и гражданской истории в Московской духовной семинарии. Через год, также не без помощи Голубинского, его выбрали в духовную академию на кафедру церковной истории. Так началась славная ученая деятельность Горского, тесно связанная с Московской духовной академией и продолжавшаяся сорок два года.

Перед А. В. Горским открылось обширное поприще. Академическая кафедра церковной истории в то время обнимала целый ряд наук: библейскую историю, историю древней церкви, византийской церкви, русскую церковную историю и историю западных вероисповеданий, то есть совмещала в себе в сущности пять кафедр.

Свою работу в академии Горский начал в должности бакалавра (по-современному — доцента); в 1837 году он был возведен в звание экстраординарного профессора, а через два года — ординарного профессора. В 1842 году его назначили еще и на должность библиотекаря академии, и на этом посту он пробыл двадцать лет.

Получив академическую кафедру, А. В. Горский весь отдался работе. На первых же порах он с головой погрузился в чтение книг и составление лекций. Работал он усиленно, не щадя себя, не избегал занятий, а искал их, и очень скоро овладел науками в объеме, более чем достаточном для академического преподавания.

Уже в первые годы своей профессорской деятельности А. В. Горский сразу привлек к себе внимание учащихся. Его лекции прежде всего отличались новизной материала и строгостью метода, они окрашивались религиозным одушевлением, приближаясь нередко к образцам церковного красноречия. Многие из его учеников всю жизнь хранили его лекции и читали их, чтобы «возбудить и разогреть религиозное чувство».

А. В. Горский не упускал ни одного отдела в своей обширной науке: со всеми материалами знакомился до мелочей, все подвергал тщательному исследованию и анализу. Отсюда и его, изумлявшая всех, всесторонняя историко-богословская эрудиция. В области церковной истории он был одним из первых настоящих ученых в России. Церковная история, как наука, по его убеждению, подлежит общим законам исторической истины и должна пользоваться лишь достоверными источниками. Но церковная история, по Горскому, отнюдь не собрание только сухих и мертвых фактов, а наука, которая должна проникать во внутреннюю связь собираемых ею фактов. Каждый отдел церковной жизни в ту или иную эпоху церковной истории Горский излагал так, что данные раскрывались во внутренней связи между собой и целое представляло одно живое, органическое развитие начал, характерных для обозреваемой части церковной жизни. На церковную историю Горский имел самый возвышенный взгляд: по его мнению, церковная история представляет Бога в самом ближайшем отношении к человечеству.

Многим обязана А. В. Горскому история Русской Церкви. Едва ли будет большим преувеличением считать его отцом этой науки. Приступив к изучению русской церковной истории, Горский прямо обращается к внутренней ее стороне, прослеживает постепенное раскрытие христианского учения — «как учение прежде распространялось, как прилагалось к уму, как раскрывалось и в чем обнаруживало свое действие». Решая этот вопрос, ученый сосредоточивал свое внимание на проводнике христианских идей — на литературе и проповеди.

Работая всегда по первоисточникам и руководясь строго научным методом, Горский вскоре же стал одним из лучших знатоков древних рукописей. Поэтому его церковно-исторические работы носят печать редкой самостоятельности и долговечности в науке. Многие его статьи по

истории русской и южно-славянской церкви являлись ценными научными открытиями. По словам проф. Тихонравова, открытия Горского не случайные находки, а «критическое завоевание великой ученой силы»; они были основаны на рукописных данных, всесторонне изученных и осторожно подобранных. Обработка источников у Горского отличалась такой полнотой и тщательностью, что статьи его не потеряли своего научного значения и до сих пор.

В 1849 году приснопамятный Филарет, митрополит Московский, поручил А. В. Горскому произвести опись рукописей Синодальной библиотеки. Более удачного выбора нельзя было сделать; никто, как Горский, не был так подготовлен к работе такого рода. Помимо прочих качеств, он обладал столь необходимыми для верной оценки старых русских памятников обширными богословскими познаниями и отличным знанием византийской письменности.

Приняв поручение митрополита, Горский взял себе в сотрудники питомца Московской духовной академии К. И. Невоструева, преподававшего тогда в Симбирской семинарии. Последний, поселившись в Москве, в Чудовом монастыре, вел черновую работу по описанию, а Горскому принадлежала научная редакция и руководство своим сотрудником. Результат этой работы — «Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки» — вызвал удивление в ученом мире. По словам компетентных рецензентов, таких описаний очень мало и в европейской литературе. «Это — сокровищница критически очищенных фактов для истории языка русского и южно-славянского»; труд, «который составляет основу для изучения древней русской литературы». В процессе работы был сделан ряд ценных открытий не только в области древней славяно-русской литературы, но и литературы греческой — найдены были в славянском переводе неизвестные в подлиннике произведения греческой письменности.

А. В. Горский хорошо владел тремя древними и тремя новыми языками, так что ему, в сущности, была доступна вся необходимая для его занятий литература. Будучи несравненным знатоком древних рукописей и вообще памятников древней письменности, он прекрасно знал и новую литературу, а западную богословскую литературу знал, как никто из его современников в России (да пожалуй и после него), и знакомство это считал необходимым для русского богослова. К западной науке он относился с уважением, но без рабского следования ей. В этом отношении им руководило апостольское правило: «вся искушающе, добрая держите», — «искушающе», то есть обращаясь к первоначальным источникам. Многое он очень ценил и любил в западной науке, многим пользовался в своей работе, но все это никоим образом не влияло на его церковность, на его православный образ мыслей.

IV

Все это, однако, лишь одна, и притом не главная, сторона личности Горского. Еще в первый год своего академического преподавания он пишет в своем дневнике: ... «Какой блаженный труд — трудиться для славы Божией, для братнего блага, для собственного блаженства! А всего этого всяким делом, какое Провидение ни даст нам в руки, можем легко достигнуть». Эти слова показывают, чего с юных лет искал Горский и в чем полагал смысл своей жизни. Это не было лишь одно приобретение знаний, а посильная, сообразная с обстоятельствами, помощь ближним, осуществление деятельной любви. Глубоко религиозный, Горский хотел отдать на служение Богу не один ум, но всю свою душу; хотел не только познавать Бога, но и служить Ему; поэтому он не мог удовлетвориться одним богомыслием, одним накоплением знаний, а искал служения Богу и людям своими трудами. Размышляя, он решил,

что и наука может дать возможность деятельного служения Богу и нашел особую форму этого служения — научное руководство.

Это научное руководство со стороны Горского проявлялось больше всего и ближе всего в академии по отношению к студентам. Он учил их трояким способом: во-первых, в аудитории на кафедре, сообщая им массу сведений и увлекая их своими глубокими изысканиями, историческими картинами, блестящими характеристиками; во-вторых, на другой своей кафедре — в библиотеке, где его беседы были ценнейшими лекциями, вводившими студентов в полное обладание литературой предмета; наконец, были еще «домашние» лекции в его квартире, на которые студенты приглашались или могли сами ходить, иногда поодиночке. Здесь разбирались и обсуждались, главным образом, или заданные студентам темы письменных работ или уже представленные ими сочинения. И всегда А. В. Горский шел навстречу каждому, проявляя много терпения, чисто отеческой заботливости и педагогического такта; старался возбудить научную самостоятельность среди студентов, направлял молодые умы, но не стеснял их свободы. Всю жизнь стремясь служить отечественной науке не только своими трудами, но и воспитанием новых научных сил, он действительно сумел воспитать немалое число ученых, много сделавших для русской исторической и филологической науки.

Горский был идеальный библиотекарь. Книги он знал не только по названию, но и по содержанию, и не просто подыскивал книги, но рекомендовал их по всем предметам академического курса, делясь своими знаниями со студентами, приучая их выбирать нужные книги и работать с ними. Не только студенты, но и преподаватели академии, в особенности начинающие, обращались к Горскому за руководством и всегда находили у него ценнейшую, искреннюю и бескорыстную поддержку и помощь. По словам его бывших учеников, он для всех был «ходячая и вполне доступная библиотека», «бездонный и для всех неизвестно отверстый кладезь мудрости, из которого почерпали целые поколения учеников».

Научное руководство и влияние А. В. Горского не ограничивалось стенами академии. Из сокровищницы его знаний полную рукою черпали нужные им сведения и начинающие и прославленные маститые ученые. При его помощи работали или обращались к нему за советами А. Н. Муравьев, Савва, архиепископ Тверской, Филарет, архиепископ Черниговский, и даже такие ученые, как Погодин, Срезневский, Буслаев, Бессонов, Костомаров, Сухомлинов, Бодянский, Тихонравов, Неринг. Высокопреосвященный митрополит Филарет также ценил и уважал Горского и нередко пользовался его советами и учеными указаниями.

А. В. Горский представлял пример удивительного научного бескорыстия и, если можно так выразиться, научного альтруизма. Все, приобретенное им годами неусыпного научного труда, он готов был не считать своим; научными открытиями, которые навсегда могли прославить его имя, не дорожил; о своем авторском праве забывал; со всеми охотно, предупредительно, с наслаждением делился своими познаниями и открытиями.

Таким образом, и в дело науки и научного руководства А. В. Горский вносил не только силу своего могучего ума и феноменального трудолюбия, но и нравственную чистоту своей личности. Смирение — необходимый признак и великого святого и истинно великого ученого: первый не замечает своей святости, второй своей учености. А. В. Горский обладал этой добродетелью.

Глубоко религиозный, Горский искал дополнения к своему душевному состоянию в принятии духовного сана, хотел получить «приближение к престолу благодати». Высоко ценя монашество, сам ведя жизнь, поистине подвижническую (живет «святее монаха», говорили про него в обществе), он, однако, не принял пострига, хотя и остался на всю жизнь

безбрачным. В 1860 году Высокопреосвященный Филарет посвятил его в священники и в том же году пожаловал ему звание протоиерея. Но принятие сана не изменило образа жизни А. В. Горского: он не искал прихода и остался тем же ученым тружеником-подвижником; священство удовлетворяло лишь его религиозной потребности.

В 1862 году протоиерей А. В. Горский волею митрополита Филарета был назначен ректором Московской духовной академии. Очень скоро при новом ректоре в академии установилась чисто семейная атмосфера. Александр Васильевич отечески любил студентов, искренно радовался их радостями и болел их печальми; называя их «детками», он выражал свои неподдельные чувства. Студенты платили ему редким доверием и горячо любили его. Из преподавательского персонала никто никогда не слышал от него выговоров или замечаний. Если требовалось дать понять кому-нибудь его провинность, Александр Васильевич делал это крайне осторожно и весьма деликатно.

Такое отношение А. В. Горского, как ректора, к учащим и учащимся вытекало из его возвышенного взгляда на академию, как на духовно-ученое братство, которое должно быть опорой Церкви и источником богословского ведения для православного общества. Академия для него была храмом богословской науки, а ее сотрудники — служителями Христовой Церкви в звании ученых богословов.

Еще при жизни А. В. Горский увидел «официальное» признание своих научных заслуг. Помимо избрания «без его искания», по выражению митрополита Филарета, в члены различных ученых обществ, он в 1864 году был избран почетным членом Московского университета, в следующем году Святейший Синод присудил ему степень доктора богословия, а в 1867 году Петербургский университет почтил его научные заслуги степенью доктора русской истории.

Смерть А. В. Горского, последовавшая 11 (23) октября 1875 года, глубоко опечалила его ученых друзей, сослуживцев, учеников и всех, кому была дорога русская наука. Особенно большим горем была его смерть для Московской духовной академии.

И. Хибарин

ЗАХВАТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ЛАТИНЯНАМИ В 1204 ГОДУ

(К 750-летию события)

В нынешнем году Православный Восток отмечает две скорбные даты своей истории: 900-летие отпадения Западной Церкви от вселенского единства (1054 год) и 750-летие захвата и разорения Константинополя латинянами (1204 год). Оба указанные события тесно связаны между собой, так как основной движущей силой в том и другом случае выступало папство с его непомерной жадностью власти.

Как известно, главной преградой на пути распространения папского всевластия был Царьград, имевший многовековую традицию столицы Восточного Православия. Против него и направляет свой натиск властолюбивый Рим в IX—XI веках, пытаясь подчинить своему влиянию Греческую Церковь путем утверждения новоявленного догмата о главенстве в Церкви папы. В своих притязаниях Римская курия натолкнулась на достойных противников в лице выдающихся первоиерархов Греческого Православного Востока — патриархов Фотия и Михаила Керулария. Борьба закончилась поражением папства и отделением католического Запада от Вселенской Церкви.

Неудача попыток римских епископов IX—XI веков распространить

свое господство на Греческую Церковь путем богословских доводов и дипломатических уловок не остановила и не охладила агрессивных замыслов Римской курии против Православного Востока. С конца XI века Рим стремится подчинить своей власти восточный мир силою оружия, используя развернувшееся в то время на Западе завоевательное движение, известное под именем Крестовых походов. Наиболее ярким проявлением захватнических устремлений западноевропейских феодалов и Католической Церкви в этом движении был 4-й Крестовый поход, который закончился в 1204 году разгромом Константинополя и образованием Латинской империи. Завоевание Царьграда латинянами в 1204 году сыграло роковую роль в истории не только Греческого Востока, но и всего христианского мира. Варварское поведение рыцарей, распаленных видом богатств византийской столицы, расхищение католическим духовенством православных святынь, поругание веры греков и насильственное насаждение среди них латинства, — все это вызвало глубокий отклик во всех концах православного мира, включая и Русь. Неприязнь к латинству, до сих пор скорее литературная, стала стихийной. В отношениях между католическим Западом и Православным Востоком наступил новый фазис, характеризующийся дальнейшим углублением религиозного антагонизма.

Вполне понятно, что надлежащее освещение этого события, столь трагически отразившегося на взаимоотношениях церквей Западной и Восточной, представляет немалый интерес. Особенно важным является вопрос об истинных виновниках рассматриваемого предприятия. В существующей обширной литературе о 4-м Крестовом походе весьма различно объясняются причины так называемого отклонения крестоносцев к Константинополю. Почти все западные историки — старые и новые — пытаются представить «перемену направления» этого похода результатом сцепления случайных обстоятельств и таким образом оправдать захват Константинополя крестоносцами. Несостоятельность такого рода односторонних построений доказана еще старыми русскими учеными (В. Г. Василевский, Ф. И. Успенский, П. П. Митрофанов). К настоящему времени основные факты истории 4-го Крестового похода выяснены советскими византологами с достаточной полнотой и намечен правильный путь разрешения важнейших проблем, связанных с этим событием.

Среди причин, вызвавших 4-й Крестовый поход, центральное место занимал антагонизм папства и Византии. В основе предприятия лежала агрессивная политика папы Иннокентия III, поставившего своей целью установить политическое и церковное главенство Римской курии над феодальным миром не только Запада, но и Востока. Обстоятельства благоприятствовали осуществлению властолюбивых замыслов римского владыки.

К концу XII века Византия переживала состояние упадка и разложения. Ослабление империи было подготовлено долголетним правлением Мануила Комнина (1143—1180), который своей ошибочной внешней политикой довел страну до крайнего экономического истощения. Со вступлением на престол новой династии Ангелов разрушение византийского государства пошло быстрым ходом. Чрезмерная роскошь двора и безграничная расточительность, произвольные поборы и хищения, слабость воли и отсутствие какого-либо определенного плана в управлении государством, — все это создавало атмосферу недовольства и вело империю по пути распада. Центральная власть утратила почти всякий авторитет; провинции оказались в руках земельной аристократии и алчного чиновничества и подверглись самому жестокому налоговому гнету. Восстания масс вспыхивали повсеместно.

Отмеченное печальное положение Византийской империи не могло укрыться от западных ее соседей, среди которых уже давно созрела мысль захватить и разделить между собой остатки византийских влады-

ний и богатств. Алчное желание ограбить несметные сокровища Константинополя, накопленные веками, подогревалось фанатичной ненавистью латинян к «схизматикам» — грекам. К этому присоединилось крайнее раздражение, вызванное на Западе неудачами 3-го Крестового похода (1189—1190), причину которых объясняли коварным предательством греков.

Во главе агрессивных замыслов, направленных против Византии, стала Венеция, которая была обеспокоена растущей враждебностью византийцев и соперничеством других итальянских городов — Генуи и Пизы. Венецианские политики и, в частности, дож Венеции Дандоло пришли к выводу, что лучшим способом поднять политическое и экономическое могущество Венеции является завоевание распадающейся Византийской империи. Однако подлинным вдохновителем и организатором крестоносного движения против Византии был папа Иннокентий III.

Укрепление влияния Римской курии в Византии было желательным для папства в трех отношениях: 1) оно содействовало бы обогащению Рима путем присвоения богатств и доходов Греческой Церкви; 2) явилось бы важным шагом к дальнейшему расширению влияния папства на Востоке и 3) усилило бы папство в его борьбе против притязаний Штауфенов на преобладание в феодальном мире. Все эти интересы папства и определили позицию Иннокентия III по отношению к Византии во время Четвертого крестового похода.

Первоначальной целью похода был Египет, под властью которого находилась в то время Палестина. Иннокентий III проявил кипучую деятельность в деле организации этого похода. Папские послания были отправлены ко всем христианским государям; папские легаты обходили Европу, обещая участникам похода отпущение грехов и целый ряд мирских житейских выгод; крсноречивые проповедники воодушевляли народные массы. Настоятельные призывы римского первосвященника нашли отклик почти во всех странах католического Запада и, прежде всего, среди воинственного рыцарства Франции и Фландрии.

Но уже во время этих подготовительных мероприятий Иннокентий III тайно вынашивал планы использовать силы Запада против Византии. В 1198 и 1199 гг. он в специальных посланиях потребовал от греческого императора Алексея III согласия на церковную унию на условиях подчинения Православной Церкви Риму и на участие Византии в Крестовом походе. В случае неповиновения он угрожал императору «сильной бурей», имея в виду, очевидно, направить против Алексея III феодальные силы Западной Европы в «защиту» низложенного императора Исаака II Ангела¹.

В дальнейшем, как увидим, эти неясные еще угрозы Иннокентий III стремится привести в исполнение.

Крестоносцы должны были собраться в Венеции, чтобы договориться с Венецианской республикой о перевозке их на Восток. Однако дож Венеции Энрико Дандоло, непримиримый враг византийцев и вместе с тем тонкий политик и ловкий коммерсант, решил сделать из этого предприятия торговую операцию и направить собравшиеся крестоносные силы против Византии. Он предложил вождям похода заключить договор, по которому крестоносцы обязывались выплатить Венеции за фрахт судов для перевозки 85 тысяч марок (1105 тысяч золотых рублей), заранее зная, что такой суммы они не в состоянии будут уплатить. Этот договор представлен был на утверждение папе.

Иннокентий III знал о напряженности отношений между Венецией и Византией: это ни для кого не составляло тайны. Кроме того, папа понимал всю невыгоду для Венеции содействовать походу против Египта,

¹ М. А. Заборов, Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII века, «Византийский Временник», 1952, V, стр. 156—157.

с которым республика поддерживала оживленные торговые сношения. Наконец, не могла укрыться от такого пронизательного политика, как Иннокентий III, вся тяжесть и даже невыполнимость для крестоносцев договорных условий.

Все это вместе взятое не могло не вызвать у папы подозрения, что даже Энрико Дандоло задумал использовать крестоносное ополчение против христиан. И тем не менее, Иннокентий III в мае 1201 года утвердил — и даже «весьма охотно» — договор крестоносцев с Венецией.

«Санкционировав предприятие Венеции, возможные последствия которого он безусловно предугадывал, папа выступил как активный и сознательный соучастник и покровитель этого предприятия. Иннокентий III в сущности «благословил» венецианцев на осуществление захватнических замыслов против Византии. Планы Дандоло в известной мере совпадали с интересами Римской курии. Недавние угрозы Иннокентия III по адресу византийского императора получали некоторую реальную основу. Вскоре для осуществления папских замыслов представились новые возможности².

Как и следовало ожидать, собравшиеся в Венеции крестоносные ополчения оказались не в состоянии уплатить венецианскому правительству условленной по договору суммы в установленные сроки. Тогда Дандоло предложил крестоносцам в счет невыплаченных денег завоевать для Венеции город Зару (Задар), расположенный на Далматинском побережье Адриатического моря, ввиду того, что незадолго перед тем он отпал от Венеции и перешел под власть венгерского короля. Крестоносцы согласились. Зара была взята и подверглась разгрому. С жителями христианского города крестоносцы обращались как с неверными: брали в плен, продавали в рабство, убивали; церкви были разрушены и подверглись расхищению. Поступок с Зарой был в высшей степени компрометирующим Крестовый поход эпизодом. Вот в каких выражениях он высказался по поводу совершившегося факта в письме к крестоносцам: «Увещеваем вас и просим не разорять больше Зары. В противном случае вы подлежите отлучению от церкви и не воспользуетесь правом индульгенции». Но этот выговор папа смягчает следующим, скоро за ним присланным, разъяснением: «Слышал я, что вы поражены угрозой отлучения от церкви, но я дал приказ находящимся в лагере епископам освободить вас от анафемы, если искренне покаетесь». Нечего и говорить, что папа мог бы наложить интердикт на все предприятие, если бы он уже не связал себя ранее согласием смотреть сквозь пальцы на подготовленную авантюру³.

Ввиду глубокой осени крестоносцы вынуждены были остаться в Заре на зиму и в результате снова задолжали венецианцам.

До сих пор хитрый Дандоло и папа Иннокентий III держали свои планы похода на Византию в большом секрете. Поводом к открытым мероприятиям в данном направлении послужило появление на Западе византийского царевича Алексея Ангела, сына низвергнутого и ослепленного императора Исаака. Царевич Алексей, спасшись из темницы, с помощью пизанцев бежал в Рим, чтобы заручиться поддержкой со стороны папы. Источники не дают прямых указаний относительно того, как принял папа бежавшего царевича. Но весь дальнейший ход событий и отдельные свидетельства хроник дают основание заключить, что уже тогда между Иннокентием III и царевичем Алексеем был заключен договор, по которому папа обещал восстановить на византийском престоле юного Алексея и его отца Исаака на условиях подчинения Греческой Церкви Риму. Особенно показательными в данном отношении являются

² М. А. Заборов, Цит. соч., стр. 158—159.

³ Акад. Ф. И. Успенский, История Византийской империи, т. III, изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 370—371.

данные Новгородской летописи. Русский летописец, очевидец захвата Константинополя, имевший возможность беседовать с участниками похода, приводит наставления, с которыми Иннокентий III обратился к крестоносцам. Он рекомендовал им посадить на византийский престол Алексея и лишь после этого идти дальше на Восток: «Также посадыче его на прѣстоль, поидете же къ Иерусалиму въ помочь»⁴. Близкие к версии Новгородской летописи известия по данному вопросу имеются в некоторых западноевропейских хрониках, а также у византийских писателей — Никиты Хониата и Георгия Акрополита. Последний, например, пишет, что папа «преклонившись его (царевича Алексея) просьбами, а еще более обещаниями (они были,— подчеркивает автор,— очень велики), поручил отрока вождям войска с тем, чтобы они, свернув с предстоящего пути, возвели его на отцовский трон и взяли с него издержки, какие будут сделаны в дороге и у Константинополя»⁵.

После свидания с папой царевич Алексей направился на север, в Германию, к своему зятю, германскому королю Филиппу Швабскому, женатому, как известно, на Ирине, сестре Алексея и дочери Исаака. Филипп Швабский еще раньше совместно с Бонифацием Монферратским, вождем крестоносцев, обсудил возможности направить Крестовый поход в сторону Константинополя. Теперь он решил обратиться к Венеции и крестоносцам с прямым предложением помочь Исааку и его сыну Алексею в восстановлении их на византийском престоле и направить Алексея вместе с своими послами в лагерь крестоносцев для заключения соответствующего договора.

Послы явились в Зару в январе 1203 года. Все то, что до сих пор составляло секрет для рыцарей и простых воинов, но что обдумано было Филиппом Швабским, Иннокентием III, Бонифацием Монферратским и Энрико Дандоло,— все это всплыло теперь наружу. Филипп делал следующее предложение крестоносцам: «Синьоры! Я посылаю к вам брата моей жены и вручаю его в руки Божии и ваши. Вы идете защищать права и восстанавливать справедливость, вам предстоит возвратить константинопольский трон тому, у кого он отнят с нарушением правды. В награду за это дело царевич заключит с вами такую конвенцию, какой никогда и ни с кем империя не заключала, и, кроме того, окажет самое могущественное содействие к завоеванию Святой Земли. Если Бог поможет нам посадить его на престол, он подчинит Католической Церкви Греческую империю. Он вознаградит вас за убытки и поправит ваши оскудевшие средства, выдав вам одновременно 200 тысяч марок серебра, и обеспечит продовольствие для всей армии. Наконец, вместе с вами он пойдет на Восток или предоставит в ваше распоряжение корпус в 10 тысяч человек, который будет содержать за счет империи в течение одного года. Сверх того даст обязательство всю жизнь содержать на Востоке отряд в 500 воинов»⁶.

Благодаря стараниям Дандоло и предводителя крестоносцев итальянского князя Бонифация, маркиза Монферратского, договор на означенных условиях был заключен, и поход на Константинополь решен окончательно.

Совершенно справедливо, что такой конвенции не заключала еще империя: условия договора были лестны для папы, ибо подчиняли Греческую Церковь Католической, и весьма выгодны для вождей, ибо обеспечивали им хорошую сумму. Что касается Венеции, то она, по тайному соглашению с вождями похода и германским королем, выговорила себе львиную долю из той добычи, которая будет захвачена крестоносцами.

⁴ Новгородская первая летопись, М.—Л., 1950, стр. 46.

⁵ М. А. Заборов, Цит. соч., стр. 164.

⁶ Акад. Ф. И. Успенский, Цит. соч., стр. 371.

В первой половине апреля 1203 года крестоносцы сели на суда и направились к острову Корфу, где состоялось формальное представление греческого царевича Алексея, участника похода. В конце июня того же года крестоносный флот появился у Константинополя. По свидетельству участника похода, французского писателя Виллгодужа, когда крестоносцы увидели с своих кораблей всю громаду царственного города, они поражены были его величием и богатством. Высадившись на азиатском берегу, крестоносные рыцари в первую очередь разграбили прекрасное предместье столицы Халкидон.

Византийский император Алексей III укрылся в столице, надеясь на ее крепкие стены и недоступность с моря. Попытки его завязать мирные переговоры были высокомерно отвергнуты крестоносцами. Между тем среди последних вызвало большое недоумение то обстоятельство, что византийцы не изъявили никакой преданности царевичу, которого крестоносцы пришли посадить на престол. Несколько раз латиняне подводили его к городской стене, представляя народу, но греки каждый раз встречали его враждебными насмешками и выражали готовность защищаться против иноземных пришельцев.

Возможно, что если бы осада велась только с суши, византийцы с помощью наемных войск ее выдержали бы. Город был достаточно защищен высокими стенами. Наиболее слабое место было со стороны Золотого Рога, который врзался в середину города и вход в который преграждался огромной железной цепью.

В середине июля крестоносцы овладели предместьем Галатой, на левом берегу Золотого Рога, перерезали защищавшую вход в него железную цепь и проникли с своим флотом в гавань. Этим, в сущности, обеспечивалось командование городом, так как крестоносцы могли теперь сделать высадку, где угодно. И, действительно, один из отрядов внезапно появился внутри столицы и поджег ее в разных местах. Произошло всеобщее смятение. В довершение всего безвольный и трусливый Алексей III бежал из города, захватив с собой государственную казну и драгоценности.

На престоле восстановлен был освобожденный из темницы Исаак II, его соправителем был объявлен сын его царевич Алексей. Крестоносцы достигли своей цели. Император Исаак подтвердил договор, заключенный Алексеем с вождями похода, хотя и признал его тяжким и трудным исполнимым. Во избежание столкновений между греками и латинянами, последним отведено было для проживания предместье Галата.

Руководители похода и новый император Алексей IV поспешили известить о случившемся папу Иннокентия III. В своих ответных письмах папа выражал полную радость и только настаивал, чтобы все обещания, данные царевичем Алексеем, были выполнены в точности. Однако выполнить договор византийское правительство оказалось не в состоянии. Византийская казна была пуста. Конфисковав частное имущество императорской фамилии и собрав драгоценную утварь из многочисленных константинопольских церквей, Исаак и Алексей едва смогли выплатить половину обусловленной договором контрибуции — 100 тысяч марок.

Реквизиция церковных ценностей дала новую пищу для антилатинской пропаганды, усилившей ту ненависть против пришельцев, которая с самого начала осады наблюдалась среди населения Царьграда. Дело часто доходило до кровавых стычек между греками и франками. Во время одного из таких столкновений пьяные фламандцы и итальянцы снова зажгли город, результатом чего был страшный пожар, длившийся двое суток и захвативший в ширину пространство до двух километров в центральных кварталах города. Пламя истребило всю середину столицы от Золотого Рога до Мраморного моря. Сгорели торговые ряды,

оптовые склады местных и привозных товаров, многочисленные промышленные заведения, прекрасные памятники античного искусства, здания присутственных мест, библиотеки, академия и огромное количество частных домов. Потери строениями, имуществом и художественными ценностями были колоссальны.

Ненависть населения города направилась против императора Исаака и его сына, приносивших интересы государства в жертву крестоносцам. В феврале 1204 года в Константинополе вспыхнуло восстание. Духовенство и народ, собравшись в храме св. Софии, объявили Исаака II и его сына Алексея низложенными и избрали на императорский престол Алексея Дуку, прозвищем Мурзуфл. Низложенный Алексей IV по приказанию Мурзуфла был задушен в темнице, а его отец Исаак умер от испуга при вести о смерти сына.

Алексей Мурзуфл считал себя свободным от всяких обязательств в отношении латинян и решил вести с ними борьбу до последней крайности. На предложение подчинить Греческую Церковь Римскому престолу он отвечал, что лучше согласен погибнуть со своими подданными, чем оказаться под влиянием папы. Столкновение между греками и крестоносцами становилось неизбежным. В марте 1204 года был выработан и заключен договор между Венецией и рыцарями о завоевании и разделе Византийской империи. Если предыдущие действия крестоносцев могут еще иметь для себя какое-то оправдание, то с марта 1204 года всякий вид легальности был уже оставлен. Договор начинался такими знаменательными словами: «Прежде всего мы, призвав имя Христа, должны вооруженной рукой завоевать город». Главные пункты договора были следующие: 1) установить во взятом городе новое правительство из латинян; 2) город предать расхищению и всю добычу разделить полюбовно: три доли из добычи должны идти на погашение долга Венеции и удовлетворение обязательств царевича Алексея, четвертая доля — на удовлетворение частных претензий Бонифация и французских князей; 3) по завоевании города, 12 избирателей, по 6 от Венеции и Франции, приступят к выбору императора; 4) избранный в императоры получает четвертую часть всей империи, остальные три части делятся поровну между Венецией и рыцарями; 5) та сторона, из которой не будет избран император, получает в свою власть церковь св. Софии и право на избрание патриарха из духовенства своей земли; 6) договаривающиеся обязываются год прожить в Константинополе, чтобы утвердить новый порядок вещей; 7) из венецианцев и французов избрана будет комиссия из 12 лиц, на обязанности которой будет лежать распределение ленов и почетных должностей между всеми участниками похода; 8) все вожди, имеющие получить лены, дадут императору вассальную присягу, от которой освобождается один дож Венеции⁷.

Между тем с той и с другой стороны шли деятельные приготовления к окончательной развязке.

III

9 апреля крестоносцы начали штурм столицы Византии, причем главный удар был направлен со стороны Золотого Рога при содействии флота. Проникнув через один вход в город, латиняне третий раз подождли его, чтобы облегчить себе путь продвижения. Этот, третий за время осады, пожар завершил разорение Константинополя. По словам историка-очевидца, от третьего пожара в Царьграде погибло больше домов, чем насчитывалось в трех крупных городах Франции.

Видя невозможность дальнейшего сопротивления, Алексей Мурзуфл тайно ночью бежал. Наступила полная анархия, воспользовавшись которой крестоносцы 13 апреля окончательно овладели городом.

⁷ Акад. Ф. И. Успенский, Цит. соч., стр. 376—377.

Началось знаменитое в летописях средневековья опустошение Царьграда, надолго оставшееся памятным всему Востоку. Бонифаций обещал войску трехдневный грабеж и не отменил своего слова. Никогда еще столица Восточного Православия не подвергалась такому невероятному разгрому. «Сами латиняне так и озаглавливали свои описания событий 1204 года: «Гибель» или «Опустошение города». Для них взятие Константинополя было небывалой удачей, славным подвигом, торжеством, посланным Богом Своим верным сынам»⁸.

В первую очередь подверглись расхищению могилы императоров, из которых извлечены были все находившиеся в них драгоценные украшения и сокровища. Не одна корысть привлекала латинян к царским усыпальницам, но и надругательство с политической целью. В храме Иоанна Богослова был погребен Василий Болгаробойца, перед которым трепетала и Италия. Теперь латиняне вытащили высохшее старческое тело и, всунув в руки волюнку, прислонили к стене разграбленной церкви. В таком положении оно оставалось до изгнания латинян из Константинополя.

Не пощажены были завоевателями и замечательные памятники античного искусства, собранные Константином и его преемниками. Образованный греческий историк Никита Хониат составил большой список бронзовых статуй замечательной художественной работы, которые были разбиты рыцарями и расплавлены на монету. Только четыре бронзовых коня, приписываемые древнему греческому скульптору Янзиппу, стоявшие на ипподроме, были увезены дожем Дандоло в Венецию, где они и до сих пор украшают портал собора св. Марка.

Но франки «разбогатели», по выражению латинских же писателей, преимущественно расхищением несметных сокровищ в церковных ризницах и алтарях, накопленных веками; их не касалась еще ни рука чужеземца, ни алчность расточительных греческих царей. Теперь латиняне взяли все, что нашли.

Что касается частных жилищ, то каждый крестоносец захватывал себе по выбору дом и объявлял его своей добычей со всем находящимся в нем имуществом; с обитателями же он поступал так, как за благорассудится. Убийства безоружного населения, надругательство над женщинами, продажа в рабство детей, пьянство и грабежи — такова картина деятельности рыцарей в первые три дня после захвата Константинополя.

По словам очевидца, историка Вильгардуэна, крестоносцы получили такую добычу, какой никто еще не получал от сотворения мира. Эта добыча была так велика, что ее не могли сосчитать. «Она заключала в себе золото, серебро, драгоценные камни, золотые и серебряные сосуды, шелковые ткани, меха и все, что есть прекрасного в этом мире». Новгородская летопись останавливается особенно на описании ограбления церквей и монастырей. Упоминание о разгроме Царьграда в 1204 году имеется в русских хронографах⁹.

На четвертый день завоевания вожди похода приказали через глашатаев, чтобы воины немедленно отнесли свою добычу в три церкви для раздела ее, согласно прежнему договору. Как отмечает историк, не все вели себя честно, и при самом разделе договор не был соблюден в точности. Три восьмых досталось венецианцам сверх 50 тысяч марок серебра за провоз крестоносцев, две восьмых выделено императору, а остальные три восьмых пошли на всех крестоносцев, причем конные получали вдвое против пеших, а рыцари вдвое против всадников простого звания. Духовенству предполагалось дать лишь святыни, но они запротестовали, ссылаясь на свои подвиги при взятии, и им также вы-

⁸ Акад. Ф. И. Успенский, Цит. соч., стр. 404.

⁹ Хронограф редакции 1512 г. СПб, 1911, стр. 391—392 (Полное собрание русских летописей, т. XXII).

делена была часть денег, причем их приравняли к конным воинам простого звания.

Говоря о роли латинского духовенства при захвате Константинополя, мы должны отметить, что оно не уступало в алчности рыцарству, причем обратилось, главным образом, к расхищению священных предметов: чудотворных икон, святых мощей и других святынь Православной Церкви. В Константинополе были собраны святыни со всего Востока: из Палестины, Сирии и Александрии. Большая часть этих реликвий во время разгрома византийской столицы стала добычей латинского духовенства и была вывезена на Запад.

Более всех увезли венецианцы, которые оставались хозяевами в латинской патриархии Константинополя. Но немало константинопольских святынь переправлено было в церкви Рима, Амальфи, Генуи, Лиона, Парижа, городов Бельгии и прирейнских стран. Кажется, редкая западноевропейская церковь не получила чего-либо из «священных останков» Константинополя.

Сохранилось составленное греками перечисление преступлений, совершенных латинянами в Константинополе при его взятии. Согласно этому известию, латиняне сожгли тысячи церквей. В самый алтарь св. Софии они ввели мулов для нагрузки церковных богатств, загрязнив святое место; разбили престол, бесценный по художеству и материалу, Божественный по святости, и расхитили его куски, их вожди въезжали в храм на конях; священные сосуды и разную церковную утварь превращали в предметы житейского обихода. Иконы они жгли, топтали, рубили топорами, клали вместо досок в конюшнях. Латиняне разграбили могилы царей и цариц и «обнаружили тайны природы». В самых храмах они зарезали многих греков, священнослужителей и мирян, искавших спасения, и их епископ с крестом ехал во главе латинской рати. Они обесчестили многих женщин и даже монахинь, а мужчин продавали в рабство сарацинам. И таковые преступления совершены были против ни в чем не повинных христиан христианами же, нападшими на чужую землю¹⁰.

Насилия и злодеяния крестоносцев достигли такой степени, что сами вожди не могли их остановить. Население устремилось вон из столицы. Окрестности Константинополя наполнились беженцами, которые сами не знали, где найти спасение. Среди этих беженцев видели и благочестивого патриарха Иоанна Каматира, чрезвычайно бедно одетого и ехавшего на осле. После нескольких дней беспокойного пути он едва нашел себе убежище в одном из селений Фракии, где и провел остаток своей жизни.

IV

Расхитив все, что могли захватить, и разделив между собою добычу, крестоносцы приступили к избранию латинского императора и латинского патриарха, согласно договору, заключенному в марте 1204 года.

Императором был избран Болдуин, граф Фландрский. Ему предназначалась $\frac{1}{4}$ империи вместе с Константинополем, из которого бежало или погибло $\frac{1}{5}$ населения. Остальные $\frac{3}{4}$ были поделены между Венецией и вождями крестоносцев, причем Венеция захватила все лучшие приморские города, все наиболее плодородные и важные в торговом отношении местности, в частности о. Крит. Бонифаций Монферратский получил Фессалонику, Македонию и Фессалию на правах королевства. Остаток империи был разделен на мелкие феодальные владения между другими участниками похода.

Таким образом, крестоносцы овладели, как своей добычей, государством, население которого по своему общему культурному уровню стоя-

¹⁰ Акад. Ф. И. Успенский, Цит. соч., стр. 413.

ло выше западноевропейцев. Огромное большинство покоренного населения заняло непримиримо враждебную позицию по отношению к латинским завоевателям и питало глубокое презрение к их прислужникам из греков, «к этим рабским душам, которые ради корыстолюбия стали врагами своей родины, к этим изменникам, которые для обеспечения своей собственности поддались завоевателям вместо того, чтобы оставаться в вечной войне с латинянами».

Одним из непосредственных результатов латинского завоевания явилось объединение населения бывшей Восточной империи в общей ненависти к латинянам. Эту ненависть питала и усиливала церковная политика крестоносцев, заключавшаяся в насильственном насаждении среди греков католической религии.

Вместе с избранием латинского императора во главе Греческой Церкви был поставлен латинский патриарх Фома Морозина, бывший иподиакон Римской Церкви, выдвинутый на патриаршую кафедру Венецией.

Папа первоначально для приличия выразил свое негодование по поводу злодеяний крестоносцев, но потом простил им все гнусности и одобрил все назначения. В своих посланиях на имя нового патриарха Иннокентий III определил его права и власть, поставил его выше Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархов, предоставил ему право носить перед собою крест везде, кроме Рима, помазывать миром константинопольских императоров, возводить по заслугам достойных лиц на разные церковные должности, распоряжаться недвижимою собственностью патриаршего дома, но в то же время обязал его клятвою на верность Римскому престолу. Для общего наблюдения за состоянием церковных дел на Востоке, из Рима назначен был особый легат, в качестве наместника папы.

Почти во всех греческих областях, занятых крестоносцами, утвердилась латинская иерархия. Чтобы укрепить свое господство, папа учредил целый ряд новых митрополий и епископий с латинскими иерархами во главе. В стремлении окатоличить греческий Восток латинские прелаты не останавливались перед прямым гонением на греческих христиан. Прибывший в 1213 году в Константинополь папский легат Пелагий запретил греческое богослужение, закрыл православные церкви и бросил в темницу православных священников, угрожая упорным даже смертною казнью.

Вполне понятно, что Латинская империя, построенная на политическом гнете и религиозном насилии, не могла быть долговечной. Через 57 лет (1261 г.) она была ликвидирована и западные пришельцы изгнаны из византийских владений. Но господство латинян на Востоке в XIII веке, начавшееся захватом и разорением Константинополя в 1204 году и имевшее целью латинизировать Греческую Церковь, оставило глубокий след в душе греческого народа. Оно было наиболее ярким проявлением агрессивных замыслов папства против Восточной Церкви, которые всегда служили основным препятствием на пути к братолюбивому сближению Востока с Западом.

А. Иванов,
доцент Моск. дух. академии

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ФИНСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Выступление у микрофона д-ра Пааво Контканена

В последние годы значительно возрос обмен различными делегациями между Советским Союзом и Финляндией. В число побывавших летом 1954 года в Советском Союзе многих делегаций входит также и первая Финская церковная делегация, в которой находились как представители Лютеранской Церкви Финляндии, так и представители Финляндской Православной Церкви.

Наша делегация, прибывшая в Советский Союз по приглашению гостившего в Финляндии летом 1953 года Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая, за три недели ознакомилась с религиозной и общественной жизнью Советского Союза. По нескольким дням мы провели в Ленинграде и Москве, а также совершили поездки в Тбилиси и Киев, побывав и в окрестностях этих городов.

Как член Финляндской Православной Церкви, я с большим интересом ознакомился с учреждениями и деятельностью Русской и Грузинской православных церквей. Как ревностный паломник, я посетил старинные храмы Грузинской Церкви, Киево-Печерскую Лавру и ее подземные коридоры, а также прекрасные храмы Троице-Сергиевой Лавры.

Но наша поездка была не только простым паломничеством в исторические места. Мы всесторонне ознакомились также и с современной деятельностью Церкви. В тех пределах, которые устанавливает для Церкви советское законодательство, опирающееся на принципы свободного вероисповедания, деятельность Русской и Грузинской православных церквей весьма активна и проникнута живым христианским духом в лучшем смысле этого слова.

28 августа Митрополит Николай принял нашу делегацию в Троице-Сергиевой Лавре. В своем приветствии он выразил дружеские чувства Русской Православной Церкви к Финляндской Православной Церкви и просил передать привет нашему Архиепископу Герману.

Наша делегация имела также много возможностей ознакомиться с той деятельностью, которая осуществляется в Советском Союзе во всех областях жизни с целью улучшения жизненных условий и постоянного повышения благосостояния народа. В этом отношении самое глубокое впечатление оставила у нас открытая в настоящее время в Москве Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, на которой можно ознакомиться с достижениями сельского хозяйства обширного Советского Союза. Основательный осмотр этой выставки занял бы несколько недель.

Впечатлений у нас очень много, и приведение их в определенную систему тоже займет свое время.

Большое дружелюбие, которое было оказано нам здесь со стороны всех людей, относилось, несомненно, и ко всему финскому народу.

Большое спасибо хозяевам нашей поездки — представителям государственной власти и Московской Патриархии. Ознакомление друг с другом является лучшим способом для устранения неправильных представлений и предрассудков.

Выступление у микрофона священника Аари Суракка.

Желание ознакомиться с церковно-историческими памятниками Киева было заветной мечтой моей жизни. И сейчас, когда эта мечта осуществилась благодаря поездке в Советский Союз, мне остается только от всего сердца поблагодарить руководство Русской Православной Церкви за организацию этой поездки.

Самым ценным историческим памятником религии, а также культуры Киева, является, пожалуй, Киево-Печерская Лавра, расположенная на левом берегу Днепра и основанная святыми Антонием и Феодосием в начале второго тысячелетия. Подземные коридоры, прорытые под этим монастырем, производят на современного человека глубокое впечатление не столько с исторической, сколько с чисто религиозной точки зрения. Это впечатление настолько сильно, что обычный путешественник-христианин может легко превратиться в паломника. Реликвии, в большом количестве хранящиеся в нишах этих подземных коридоров, производят вначале просто ошеломляющее впечатление, но затем как бы раскрывают суть простых и наивных рассказов об исторической правде.

Нескончаемым потоком идут туда посетители. Маленькие огоньки восковых свечей мерцают в темноте, и изю всех часовен и церквей доносятся мелодии древних молитв. Наше пение на финском языке то и дело присоединялось к общему пению присутствующих. И мне казалось, что в этих святых пещерах и коридорах продолжают те же молитвы и песнопения, которые некогда звучали в римских катакомбах.

Киевский кафедральный собор святого Владимира является, пожалуй, самым прекрасным из всех соборов, в которых православные всего мира совершают в настоящее время свои богослужения. Эта драгоценная святиня поражает посетителя прежде всего возвышенной гармонией византийско-русской архитектуры. Оформление купола собора, выполненное русским художником Виктором Васнецовым, превзошло все мои ожидания. Фрески центральной части собора, несомненно, являются вершиной художественного творчества Васнецова. Они невольно напоминают фрески в церкви Сикста, выполненные Микель-Анжело. Только с его фресками можно сравнить фрески Васнецова. Вдохновителями Виктора Васнецова, по-моему, были мастера: Андрей Рублев, Феофан и Дионисий, а также мастера мозаичных работ в Софийском соборе г. Киева. Его высокое мастерство достигло своей вершины в оформлении центральной части кафедрального собора святого Владимира. Его произведения проникнуты той же чистотой и непосредственностью, как и старинные русские иконы. На фоне отделанного золотом алтаря стоит подлинно русская Мадонна, Богородица, держащая на руках Ребенка, руки Которого, протянутые вверх, излучают свет и чистоту радости. В знаменитых портретах отцов Русской Церкви видно глубокое знание человека, которое поражает своей правдивостью. Я должен признаться, что лирические произведения Нестерова являются, по сравнению с картинами Васнецова, слишком хрупкими.

И в заключение я хотел бы отметить ту большую работу, которая ведется в Советском Союзе в области охраны и реставрации ценных исторических церковных памятников, а также то, что после революции в России стали обращать серьезное внимание на иконопись, стали ценить

и изучать этот вид искусства. Я искренне желаю, чтобы в результате этой работы русская иконопись заняла достойное место в общественном сознании.

Киев, 27/VIII 1954 г.

Выступление у микрофона пастора Симо Керанто

Мы, два священника Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии получили возможность побывать, вместе с представителями Финляндской Православной Церкви, в Советском Союзе. Во время нашей поездки мы ознакомились с церковной жизнью в Выборге, Ленинграде, Москве, Харькове, Тбилиси и Киеве, а также побывали в окрестностях этих городов. Мы имели возможность ознакомиться также с различными областями общественной жизни.

Все виденное и слышанное нами дало нам весьма положительное представление о деятельности Церкви и Государства. По приезде на родину мы расскажем членам Лютеранской Церкви Финляндии много хорошего.

Мы весьма благодарны за все руководство Русской Православной Церкви и представителям Государства за исключительное гостеприимство, которое было оказано нам здесь. Эти три недели были для нас замечательными днями, о которых мы будем хранить самую добрую память. Особенно тронула нас христианская любовь, с которой относились к нам все деятели Православной Церкви. Сердечно благодарим наших хозяев — представителей Церкви и Государства — за радушный прием!

Киев, 27/VIII 1954 г.

Письменное заявление настоятеля лютеранского прихода Мауно Мякинена

О нашей поездке по Советскому Союзу можно было бы говорить очень много. Впечатления наши настолько глубоки и разнообразны, что сразу трудно справиться с мыслями. Особо стоило бы отметить, например, то княжеское гостеприимство, которое было оказано нам во время этой поездки.

Но так как для меня наиболее важным является вопрос, касающийся условий жизни Церкви, то самое значительное из того, что я узнал здесь, состоит в следующем. По Конституции СССР Церковь отделена от Государства, и с 1943 года в стране существует специальный государственный орган, состоящий из двух отделений, который занимается организацией и регулированием взаимоотношений между различными религиозными культами страны и государством. Для Православной Церкви имеется даже специальный отдел. Такое внимание к этой Церкви объясняется, по-моему, историческими причинами. Второй отдел этого органа ведает вопросами деятельности других церквей и религиозных объединений: римских католиков, лютеран, магометан и т. д. От сотрудников этого отдела мы получили весьма интересные данные, касающиеся лютеранских церквей Эстонии и Латвии.

При посещении некоторых богослужений мы хорошо заметили, что прихожане, присутствующие на богослужениях, относятся к ним с благоговением и искренне любят свою веру. Я еще раньше знал о том, что церкви действуют здесь свободно. Повсюду я наблюдал общий интерес всех возрастных групп к богослужениям. Правда, не во всех церквях бывает многолюдно.

Мои личные впечатления и наблюдения все же ценнее, чем статистические данные. Интересные наблюдения я сделал в Москве на бого-

служении баптистов. В их молитвенном доме можно было видеть большое количество молодежи, пришедшей на богослужение.

Наблюдая за духовенством, я не мог не заметить, что разница в возрасте между людьми различных духовных званий равна в среднем 20 годам. Молодых священников в возрасте, примерно, 30 лет было довольно много. Они являются продолжателями дела уходящего из жизни старого духовенства, его надеждой, как выразился Митрополит Николай. Нагрузка на священников в приходах очень большая. У них много различных дел. Примечательно, что каждый храм имеет свою легковую автомашину.

Старейшая автокефальная Грузинская Церковь живет тоже полной жизнью, но она все же не имеет того блеска, который нам довелось видеть в других церквях. Однако в отношении исповедания веры грузины не отстают от других. Молодого духовенства там мы почти не видели. Своей семинарии Грузинская Церковь тоже не имеет.

Письменное заявление священника Эрkki Пийройнена

Я искренне рад и благодарен за то, что в качестве Финской церковной делегации мне представилась возможность в течение трех недель познакомиться с деятельностью Православной Церкви Советского Союза. Во время этой поездки я увидел много нового и интересного. Я испытал на себе то радушное гостеприимство, которое было оказано нам, и почувствовал, с какой сердечной любовью относились к нам представители Православной Церкви и государственной власти Советского Союза. Незабываемое впечатление произвели на меня многие богослужения в Ленинграде, Москве, Тбилиси и Киеве, в которых мы лично сами участвовали. Никогда не забудется и прекрасный концерт в Ленинграде, и поездка по каналу имени Москвы, и пение монахинь в Грузии, и нескончаемый поток паломников в Киево-Печерской Лавре, и прекрасное пение служителей церкви совместно с прихожанами в Троице-Сергиевой Лавре. Таковы основные моменты нашей поездки.

Интересным оказалось и ознакомление с музеями, художественными выставками, с ведущимися в Советском Союзе широкими строительными работами и с деятельностью по воспитанию молодежи. До глубины сердца нас тронуло дружеское внимание, с которым относились к нашей делегации как высокое руководство Церкви, так и духовенство и прихожане.

По прибытии в Советский Союз, мы были приглашены на беседу, где нас спросили, с чем мы желали бы ознакомиться, где хотели бы побывать и что посмотреть. И вот в течение трех недель, согласно нашим пожеланиям, мы близко ознакомились с настоящей жизнью Православной Церкви Советского Союза, и в итоге всего этого я получил такое представление, что Православная Церковь живет здесь, как сильная и внутренне богатая Церковь. Этот вывод я сделал из следующих фактов:

1) Храмы, которых здесь довольно много, бывают во время богослужений до отказа переполнены искренне молящимися людьми — мужчинами и женщинами, молодыми и старыми.

2) Народ любит свою веру и свои храмы. Они хорошо убраны и чисты, повсюду горят лампадки и свечи, в них много цветов.

3) Народ охотно жертвует свои сбережения на содержание церквей и духовенства.

4) Руководителями Церкви и приходов являются опытные работники. Молодых священников готовят духовные семинарии и духовные академии. Чувствуется, что духовенство с воодушевлением выполняет свои задачи. Оно всем сердцем хочет служить Богу и Святой Церкви.

5) Большое внимание обращается здесь на церковное пение. Во

многих храмах поют по два хора, к которым часто присоединяются и все присутствующие в храме прихожане.

б) Чувствуется, что государственная власть Советского Союза относится к деятельности Церкви снисходительно в соответствии с законами и указами страны. Духовенство, как и все остальное население, радуется происходящим в стране общественным и экономическим улучшениям, а также широкому строительству.

В православном мире общепризнано, что богослужение наилучшим образом отражает православную жизнь и внутреннюю силу Церкви. В этой важнейшей области церковной жизни деятельность Русской Православной Церкви весьма показательна.

В заключение я хотел бы выразить сердечную благодарность руководству Православной Церкви Советского Союза и прежде всего Его Высокопреосвященству Митрополиту Николаю, по приглашению которого мы гостили в Советском Союзе, а также нашему пастырю, Его Высокопреосвященству Архиепископу Герману, который благословил меня на эту поездку.

Москва, 30/VIII 1954 г.

«ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК»

ОРГАН ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛЬШЕ

Варшава, 1954, № 5, стр. 32.

Пятый номер органа Православной Церкви в Польше за текущий год, как обычно, содержит в основном материал, касающийся жизни Польской Православной Церкви. В официальной части напечатаны, с целью напоминания, указания Блаженной Макария, Митрополита Варшавского и всея Польши, духовенству относительно порядка поминовения церковной иерархии, властей и воинства, преподанные еще в 1952 году. В разделе «Церковная жизнь» описаны посещения Митрополитом Макарием в 1952—1953 гг. древнего православного Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря, сильно пострадавшего во время немецко-фашистской оккупации. Благодаря энергичным мерам, предпринятым для восстановления сожженного монастыря, ко второму посещению обители Блаженным Митрополитом Макарием в июне 1953 года главный монастырский корпус был уже почти восстановлен. Особой радостью для верующих было возвращение в монастырь в 1953 году ко дню преп. Онуфрия (12/25 июня) чудотворной иконы преп. Онуфрия и древней иконы Божией Матери, вывезенных в первую мировую войну в Москву. В связи с посещением обители Митрополитом Макарием в номере помещено начало интересной статьи Н. Волицца, посвященной истории этого монастыря, который за все время своего существования оставался неизменно верным Православию, несмотря на насильственные действия по распространению унии в прежней Польше.

В номере помещено также слово Блаженнейшего Митрополита Макария в Неделю 4-ю по Пасхе, о расслабленном, произнесенное в Белостокском Свято-Николаевском соборе 13/26 апреля 1953 года. В отделе «Из жизни епархий» сообщается о постройке церкви в местечке*Городок, сгоревшей во время последней войны и восстановленной усердием прихожан, и о храмовом празднике в селе Стрыки. Последние две страницы журнала посвящены памяти протопресвитера Н. И. Смольского, скончавшегося в возрасте 83 лет.

Особый отдел журнала «В защиту мира» посвящен в пятом номере Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира в Берлине 24—28 мая 1954 года, что свидетельствует о быстром отклике Польской Православной Церкви на события в этой области.

«ГОЛОС ПРАВОСЛАВИЯ»

ОРГАН ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Прага, 1954, № 6 (июнь — июль).

Статьи шестого номера «Голоса Православия» за текущий год имеют стремление, как обычно, дать православной пастве, которая в значительной своей части еще недавно пришла из унии, такое чтение, которое знакомяло бы ее и разъясняла бы ей жизнь Православной Церкви. Этой цели содействует и передовая статья прот. Н. Шербая, посвященная празднику святых первоверховных апостолов Петра и Павла, и статья о вселенских соборах, как верховной инстанции в решении церковных вопросов, и напечатанная часть работы покойного Владыки Горазда о трудах святых Кирилла и Мефодия в Моравии. Перевод небольшого отрывка из проповедей Яна Гуса знакомит с характером проповедничества этого чешского национального героя веры. С другой стороны, в номере разъясняются нравственные и практические обязанности верующих. Таковы статья О. Б. «Устремление к добру» и слово Преосвященного Алексия, епи-

скопа Пряшевского об усердном труде в наступающее время жатвы. Небольшая заметка в разделе «За мир» посвящена внеочередному заседанию Всемирного Совета Мира в Берлине. В шестом номере закончена печатанием работа В. Никонова о роли Православной Церкви в освободительной войне украинского народа (к 300-летию воссоединения Украины с Россией), заимствованная из «Журнала Московской Патриархии». В разделе «Книжная полка» даны краткие отзывы о «Журнале Московской Патриархии», «Ortodoxia» (журнал Румынской Патриархии) и «Церковном Вестнике» (орган Православной Церкви в Польше). Интересны краткие письма с мест, передающие некоторые характерные черты приходской жизни в Чехословакии. Несколько статей (среди них статья Владыки Горазда о св. Григории Двоеслове) напечатаны на украинском языке.
